

Librarium

СТЕНДАЛЬ

О ЛЮБВИ

РИПОЛ КЛАССИК

Librarium

Стендаль
О любви

«РИПОЛ Классик»

1822

УДК 122/129
ББК 87

Стендаль

О любви / Стендаль — «РИПОЛ Классик», 1822 — (Librarium)

ISBN 978-5-386-12218-8

«О любви» Стендаля (1822 г.) — ярчайший трактат классика французской литературы, впервые связавший проявления любви с характером народов и особенностями исторических эпох. Стендаль доказывал, что любовь — не просто чувство, а особая работа с собственным характером. Отказавшись от любых идеалистических объяснений любви, писатель связал ее с чувством стыда как с социальным чувством. Наблюдения Стендаля над причинами зарождения любви стали важны для романной драматургии на протяжении всего XIX века. В данном издании трактат Стендаля дополнен предисловием профессора РГГУ Александра Маркова. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 122/129

ББК 87

ISBN 978-5-386-12218-8

© Стендаль, 1822
© РИПОЛ Классик, 1822

Содержание

Любовь земная и очень земная	5
Предисловие	11
Книга первая	14
Глава I	15
Глава II	17
Глава III	20
Глава IV	22
Глава V	23
Глава VI	24
Глава VII	25
Глава VIII	26
Глава IX	28
Глава X	29
Глава XI	31
Глава XII	32
Глава XIII	33
Глава XIV	35
Глава XV	37
Глава XVI	38
Глава XVII	39
Глава XVIII	40
Глава XIX	41
Глава XX	43
Глава XXI	44
Глава XXII	46
Глава XXIII	47
Глава XXIV	49
Глава XXV	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стендаль

О любви

Любовь земная и очень земная

До Стендаля писатель мог добиться известности и славы литературными трудами, не требуя себе государственных почестей, иногда задевая других, как Аретино или Вольтер, иногда прославляя добродетели королей, как Расин, а иногда даже и всю гуманистическую цивилизацию, как Эразм Роттердамский. Но они всегда говорили не вполне со своей трибуны: кто дружил с церквами или странами, а кто нападал на них, кто выступал в качестве «нового» Горация или Тита Ливия, а кто, наоборот, требовал жить своим умом. Но это всегда была кафедра писателя, словно бы переделанная из трибуны проповедника или профессора, или кабинет писателя, сохранявший черты кельи или зала заседаний. Стендаль первый смог стать только писателем, говорить как писатель и выступать, исключительно исходя из писательского опыта, не ссылаясь ни на происхождение, ни на образование, ни на знакомства, ни на роль для различных стран или сообществ. Он просто выпускал книгу, не готовя общество к ее выпуску, не поддерживая ее титулами; впереди книги не бежала слава, и Стендаль даже молчаливо терпел, когда первое издание труда «О любви» продавалось медленно, ведь философы тогда сочли, что это вид романа, а романисты – что это философия.

Когда писатель не может указать на свои заслуги и привилегии, иные чем привилегия писать захватывающе, он поневоле создает собственные нормы того, что следует считать литературой, а что – нет. Создавать эти нормы он продолжает, даже если становится почтенным и уважаемым государственным мужем: например, будучи уже много лет дипломатом и консулом, Стендаль в 1838 г. выпустил «Записки туриста», тем самым сделав искусственное слово для путешественника достоянием мировой культуры. Чтобы туристом мог стать каждый из нас, нужно было, чтобы сначала Стендаль назвал себя таким именем.

Сам псевдоним Анри (или Арриго, как он называл себя по-итальянски) Бейля, «Стендаль», – название саксонского города, в котором родился Иоганн Иоахим Винкельман, создатель искусствоведения, почитатель античного искусства как верной картины нравов древности. Винкельман первым заявил, что эрудиция в области искусства и употребление его в воспитательных целях вовсе не различные занятия для разошедшихся аудиторий и целей, но единое занятие, только и создающее аудиторию искусства. Город Штендаль, с его рыцарскими надгробиями, ничем не был примечателен, кроме разве карьеры гения, когда в этом городе древние нравы не заглушили, но благословили новую античную гармонию. Анри, заявляя о себе как о Стендале, тем самым назначал себя исконным сбывшимся собеседником Винкельмана, способным передать читателям не только величественную красоту искусства, но и сами причины, по которым искусство нашло себя в мире и разместилось в *не-мире*, показало свой «характер», стало характерным для всей цивилизации.

Здесь уже один ключ к тому, как Стендаль понимает характеры: не как было принято с античных времен Феофраста, как устойчивые и часто мучительные для самой личности свойства, но как возможность вести себя капризно и артистически, даже если ничто во внешнем мире к этому не располагает. До Стендаля характер противопоставлялся природе, он представлял собой индивидуальные и часто не очень уместные черты в сравнении с честной открытостью природы; после Стендаля, как мы и привыкли по реалистической прозе XIX века, характер противопоставляется обстоятельствам: как некоторая подлинность человека, с которой он или она рано или поздно встретится, поспешности неразумного бытия, то приближающего это столкновение, то – чаще – отдаляющего.

Анри Бейль родился в 1783 г. в Гренобле, старом университетском и военном городе, где казармы соседствовали с учебными корпусами, а слава былых побед напоминала, что Франция – не только уютный мир, но и перекресток движения многих народов. Отец Анри был простым адвокатом, а вот дед – вольтерьянцем не в широком значении начитанного вольнодумца, но в терминологическом смысле почитателя Вольтера, одного из творцов его культа, для которого встретиться со своим кумиром было счастьем, а обратить на себя внимание перед ним – высшей доблестью. Дед, Анри Ганьон, действительно побывал у фернейского мудреца, вспоминая беседу с ним и спустя многие годы с невероятной теплотой и трепетом. Но чтение вольных книг и спор с наставником-иезуитом, ранний атеизм Анри и столь же раннее желание оставить родительский дом – всё это было гранями одного желания: поменьше иметь дела с миром стряпчих. Бог тоже представлялся Бейлю кем-то вроде не то доносчика, навлекающего на людей разные кары, не то даже провокатора, вводящего в искушение. Атеизм Бейля при этом нужно отличать от атеизма, скажем, Дидро: если просветительское безбожие настаивало на том, что бог – фигура соблазна, некий фантом навязанных извне обязательств, то для Бейля отрицаемый им бог – малоприятная личность, которой бы надо сгореть со стыда из-за несовершенства мира. В дальнейшем творчестве отвлеченные вопросы, вроде бытия Божия, интересовали Бейля мало, но понятие стыдливости стало ключевым для многих его художественных рассуждений, в том числе в трактате о любви.

В 1799 году Бейль отправляется в Париж с твердым намерением поступить в Политехническую школу. Политехническая школа, как и педагогическая Высшая нормальная школа, порождения революции: как только ученые получили возможность создавать собственные учебные заведения, чтобы передавать не только знания, но и сами нормы их приобретения знаний, они такой возможностью не преминули воспользоваться. Новую образовательную систему, которая готовит не просто специалистов, а ораторов и наставников, распространяющих нормы специальности, оценил Наполеон, увидев в ней славу своей будущей Империи – благодаря такой системе образования до всех концов державы будут доходить не только приказы и повеления, но и просвещенные способы решения сложнейших проблем, которые укрепят периферию не меньше центра, и рок Рима тогда не помрачит солнечные умы французов.

Будущий писатель толком не приступил к учебе – 18 брюмера он увидел шанс для себя быть с Наполеоном, сопровождать Наполеона и создавать вместе с Наполеоном миры. Он сразу же записался в полк и благодаря знакомствам (юноша легко раздавал обещания, поэтому находил серьезных покровителей) отправился на север Италии. В Италию он влюбился сразу: и в мирный нрав жителей, только иногда злостно перебиваемый вспышками гнева, в незлобивую хитрость, в умение не разочаровываться окончательно в государственных институтах. Бейля-Стендаля всегда мучил разрыв между французским скепсисом, скорым разочарованием в любых реформах и начинаниях власти, к которому сам он был склонен, и итальянским вдохновением, готовностью создавать государство, возвращаться в большую историю, заявлять о себе как на полях сражений, так и в обустройстве институтов экспромтом, не дожидаясь высоких комиссий.

Конечно, такое итальянское импровизаторство не только виртуозно, но часто и просто-вато до беспощадности, но Бейль предпочитал этого не замечать: для него важно было найти ту точку наблюдения, с которой его соотечественники будут выглядеть лишенными вкуса и потому недостаточно способными к настоящей политической и исторической деятельности. Для Бейля было несомненно, что только долговременный союз мог бы объединить трудолюбивую решимость французов с изнеженной проницательностью итальянцев ради общих целей. Итальянцам просто полагалось пленить слух диких парижан, и чем скорей, тем лучше. Сопоставление итальянцев, которые искренне страдают, когда их бросает любовница, и французов, для которых любовница – предмет хвастовства, а не то одобрительных, то осуждающих пересудов, как в Италии, занимает часть и книги «О любви», в которой тоже по сути говорится, что

французскому свету нужна итальянская искренность, чтобы совершенствовать язык светского общения, а не только лишь знаки притворства.

Писательская страсть захватывала Бейля-Стендаля не менее боевой: взяв уже в 1802 году длительный отпуск, он сначала попытался писать драмы, намереваясь стать новым Мольером, но состояние сцены озадачило его. Ему совсем не нравилось, что актеры живут готовыми амплуа, заранее знают, какие роли они будут играть, а если им достаются не те роли, то играют они их с недолжной холодностью. Тогда уже у Стендаля зародилась мысль, которая через много лет и определила построение его романов: чтобы герои не жили готовым умом, надлежит отказаться от экспозиции, которая разрешает персонажу свыкнуться со своим характером и никуда особо не выходить. Напротив, надо поставить персонажа в парадоксальную ситуацию, в которой он, как в разгар азартной игры, не может не сделать хода. Конечно, Стендаль был не первым выступившим против протяжных экспозиций: еще почти за полтора века до него Шарль Перро порицал Гомера за то, что тот слишком долго объясняет, кто герои такие и чем знамениты, не давая им перейти ни к какому действию, кроме им привычного.

Но если Перро был заинтересован исключительно в достоинстве действия, которое не стоит прерывать даже самыми учеными и величавыми пояснениями, то Стендалю было важно, чтобы сама ситуация не расхолаживала героев; они не научатся мыслить, пока за них мыслит неспешный роман. Романная революция Стендаля 1820–1830-х годов была направлена прежде всего против захвативших воображение всей Европы романов Вальтера Скотта: если безупречный шотландец долго знакомил с героями, напоминая, что в мире еще сохранилась такая вещь, как честь, то Стендаль считал, что ничего не значит честь, пока мы не увидим, как герой решился действовать, потому что не решиться было еще хуже. Честь существует для Стендаля не как сберегаемое смолodu, но как обретаемое в сражении с самим собственным роком, который становится настолько отвратителен, настолько тошней недуга, что поступок – это уже некоторая честность перед собой.

Первый роман Стендаля, «Арманс» (1827 г.) подготовил к печати Проспер Мериме, и содержание романа больше всего отвечает главной идее Мериме: пустота французской великосветской жизни как мира пересудов в противопоставлении полноте и полнокровности южной экзотической жизни. В таком противопоставлении больше всего давало о себе знать горестное чувство после поражения Наполеона: ни Испания, ни Италия, ни Египет не подчинились Франции, значит, нужно было объяснить нынешние неурядицы Франции тем, что она перестала быть подлинной, но подлинность сохранили те земли, которые еще на памяти читателей принадлежали им. Героиня романа, Арманс Зоилова, получеркешенка-полурусская (Бейль, напомним, был под Бородино). Своей веселостью, непосредственностью, добротой и снисходительностью она не разряжает обстановку, но, напротив, всегда пробуждает подозрение, ревность и мстительность.

Но отличие Арманс от Кармен Мериме или от Бэлы Лермонтова в том, что она не только возбуждает интерес к себе, но и умеет разочаровываться и распространять разочарование вокруг себя, и в конце романа, чтобы спасти ситуацию от полного разрушения разочарованием, она постригается в монахини. В некотором смысле Стендаль создал универсального «русского» персонажа, предшественницу тургеневских героинь, Анны Карениной, Маргариты и Лолиты.

Следующие романы, роман революции «Ванина Ванини» (1829) и роман карьеры «Красное и черное» (1830) сделали Стендаля вполне известным. Блеск этих произведений объясняется не столько новыми приемами и решениями, сколько отказом от ряда старых привычек, в частности от объяснения внутренней жизни героя письменно зафиксированными свидетельствами его душевного развития: дневниками, перепиской или заметками на полях. Герой уже не должен был уже исповедоваться, чтобы разобраться со своей душевной жизнью, дав ей состояться и проявиться. Напротив, ему полагалось быть замороженным блеском собственных

поступков, неповторимых и именно потому не позволяющих возгордиться: как можно гордиться тем, что раз вспыхнуло и прошло.

Наконец, «Пармская обитель» (1839) – уже не просто новые герои, а новый романский жанр, а именно руриганский роман. Может быть, читатель впервые слышит это слово, но Руригания – название условной монархической страны с большим двором, непостижимыми интригами, романтикой, авантюрами, приключениями – в общем, всем тем, что сейчас называют великосветской хроникой. Нынешняя Руригания – это мир звезд, но в мире звезд нет короля, тогда как в Руригании XIX века король был нужен именно для того, чтобы быть свергнутым, чтобы вокруг этого места пустующего престола и заявили о себе в полной мере дремавшие в людях страсти и желания. Для Стендаля эта форма оказалась просто идеальной: живописуя условный пармский двор, Стендаль показывал, что мелочные заботы и величественные замыслы – две стороны одной и той же памяти, которую люди оставляют о себе. Стендаль при этом возвращал Ренессанс Ренессансу. Нам, воспевающим великолепие Медичи и гениальность Леонардо, не всегда сразу приходит на ум, что это величие было возможно благодаря простоте политических институтов: всем было понятно, когда воевать, а когда собирать урожай, и поэтому любая победа оказывалась величественной, как преодоление небытия всем на радость. Вдохновляясь «Жизнью Бенвенуто Челлини», Стендаль создал свой образ политики ренессансного типа: политики, в которой памятно не только деяния, но и отношения, не только кто что совершил, но и как кто к кому отнесся. Уметь правильно отнестись к собственному возможному небытию – это и значит стать человеком искусства.

Но вернемся ко времени, когда Стендаль еще был Бейлем. После падения Наполеона Стендаль надолго уезжает в Италию. В 1814 году он выпускает «Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазия», а в 1817 г. уже за подписью Стендаль, «Историю живописи в Италии» и «Рим, Неаполь и Флоренция». В жизнеописаниях композиторов писатель создает понятие о гении, отличающееся от привычного романтического. Гений романтиков прежде всего выступает как носитель самостоятельных творческих задач, тем самым способствующий самостоятельности суждений современников. Тогда как гении Стендаля – борцы, умевшие сражаться на несколько фронтов и побеждать: изучить самые разные книги и техники, переспорить целые школы и направить в новые русла все современные им направления искусства. Гений здесь – не изобретатель, а скорее образцово влиятельный человек, без предисловий, без всякой задумчивости и экспозиции атакующий обстоятельства первым и потому выходящий победителем.

В книгах о живописи и архитектуре Стендаль развивает это портретирование гениев в сторону апологии светскости. Грубость нравов в Италии смягчило придворное остроумие: художники были бы ремесленниками и жертвами зависти других ремесленников, если бы вольные шутки правителей не были столь очистительными, что делают неуместными беспорядок страстей. Покровители искусств хороши не тем, что помогали художникам материально или вдохновляли их на новые подвиги, но прежде всего тем, что приучали художников представляться миру, делаясь все более светскими и тем самым вкладывая в произведения весь свой стиль без поспешности. Стендаль резко критиковал современное ему поклонение искусству, в котором видел оборотную сторону выродившегося светского жеманства, тогда как в по-настоящему благородном обществе образованные люди могут дать советы даже самым великим художникам и суждения свыше сапога окажутся уместны.

Конечно, в этих рассуждениях Стендаль часто выдает желаемое за действительное; и нельзя сказать, что он потом этого не понял. Известно, как он был разочарован, когда французское общество не признало в нем арбитра изящества не только после публикации искусствоведческих трудов, но и после публикации романов, так что в конце 1820-х годов Стендаль даже поддался гнетущим состояниям тревоги и никчемности, а в 1842 г., на смертном одре, велел высечь на надгробии на кладбище Монмартр итальянскую, а не французскую надпись:

итальянцы оценят, сколь прекрасно он жил, а не только прекрасно спорил или что-то доказывал без видимого успеха.

Все мы знаем «синдром Стендаля» как особую лихорадочную дрожь при встрече с прекрасной архитектурой Флоренции и других городов. Но нужно заметить, что это не простое восхищение диковинками, известное человечеству с самого начала гражданской истории. Это почти медицинское переживание того самого очищения, катарсиса, о котором мы только что сказали – переживание того, что решимость правителей приводит не только к войнам, бедствиям или прямолинейному совершенствованию повседневного быта, но и к торжеству смелой, решительной красоты. Восхищение Флоренцией заменило Стендалю любые формы религиозной искренности: не ведая церковных таинств, он верил в пресуществление не только идеи художника, но и простого приказа и повеления правителя в красоту. Для Стендаля слава художника состоит не в создании сияющих образов, но исключительно в умении подражать неподражаемому: возрождать неведомую Античность, запечатлевать удивительные идеалы, создавать школы в отсутствии учеников – именно такие чудеса, такие супы из топора, постоянно описывает Стендаль во всей своей истории живописи Италии, видя в этом подражании, только потом угадывающем свой предмет, единственный законный способ существования искусства как института. Без такого особого мимесиса искусство может казаться сколь угодно доброкачественным, но оно будет солью, потерявшей силу.

Исходя из особенностей искусствоведения Стендаля, нам легче понять, чему посвящен трактат «О любви». Стендаль пытается решить, почему любовь остается необоримой силой, хотя само ее существование грозит разочарованиями: невозможно слишком серьезно относиться к собственной страсти, невозможно всякий раз догадываться, чего хочет возлюбленная, равно как и невозможно настаивать на том, что твоя любовь – с первого взгляда или после многих лет мук – законное чувство, а не утешение разгоряченного вымысла. Ведь легко можно поддерживать в себе простые чувства на правах инстинктов: как человек не может расстаться со своим инстинктом, так он долго может лелеять в себе самое ложное и неуместное чувство.

Стендаль решает вопрос довольно просто: любовь – не просто чувство, а некоторая идея самой чувственной жизни, та точка, с которой мы можем оценить нашу жизнь как чувственную. Стендаль, конечно, не может употребить слишком коммерческое слово «оценка», поэтому он пускает в ход метафору «кристаллизация»: как в глубокой пещере ветка или цветок покроются кристаллами, так и любовь среди жизненных перипетий окажется их единственным блистательным или хотя бы ощутимым оправданием этих перипетий.

В первой части трактата Стендаль разрушает (или, если угодно, деконструирует) все те штампы и обороты, с помощью которых описывалась романная любовь. Любовь с первого взгляда и безумная ревность, верность до гроба и священный трепет, исполнение желаний и обретение полноты бытия – все эти выражения, на которых как на шарнирах держались романские сюжеты, оказываются не вполне уместными. В старых романах, конечно, были циники, не верившие в любовь, но они и были нужны, чтобы показать независимую от них работу сюжетных шарниров. Тогда как Стендаль доказывает прямо противоположное – сама любовь часто себе не доверяет и доверчивой и плодотворной становится только благодаря стыдливости. Только выигрыш в стыдливости придает какой-то смысл и любви, и ревности, и трепету.

Деконструкция Стендалем прежней романной любви идет по двум направлениям. Одно из них гендерное – оказывается, что мужчина и женщина по-разному влюбляются с первого взгляда, по-разному хранят свою любовь, по-разному оценивают само ее действие. И это различие не только физиологических реакций: что способность мужчины и способность женщины всю ночь не спать из-за любви – это не одно и то же, – но разные физиологические состояния, так это знали и до Стендаля. Нашему писателю важно, что здесь дано о себе знать различие самого подхода к любви. Мужчина и женщина в конце концов должны стать свободными, но путь к свободе у них разный, они по-разному освобождаются от гордости, предвзятости или

самоуверенности. Что-то в рассуждениях Стендаля мы сочтем гендерными предрассудками, но гораздо больше мы увидим проницательной социологии аффектов: как, скажем, дух музыки или дух общественного действия ведет себя в ситуациях взаимной влюбленности мужчины и женщины. Другое направление – исследование чувствительности. Оказывается, что само описание чувствительности как переполняющей душу, или расцвечивающей мир красками, или томящей, или заставляющей повзрослеть – это описание не чувства как такового, но социальных ритуалов, превратившихся в факты внутренней жизни. Так, любовь переполняет душу, чтобы ее не наполнили в противном случае рассказы, пересуды или подозрения; или любовь расцвечивает мир всеми возможными узорами, чтобы мы не считали ее маловероятной, скудной или невозможной, как нам неверно подскажет социальный опыт. Иначе говоря, у Стендаля чувственность – не раскрытие внутреннего мира человека, но, напротив, доказательство социальных истоков даже самого глубокого внутреннего опыта.

Но именно вторая часть трактата представляет собой метакритику такой социологии, которую не только мы, но и сам Стендаль начинает считать грубой. Жест отречения не может быть началом жеста принятия, и когда мы в любви забываем обо всем на свете, отрекаемся от мира, то нельзя думать, что эти самоотрицания социальных ритуалов уже велят нам принять себя самого и любимого человека, как мы есть. Для чуждого всякой вере Стендаля невозможна формула «возлюби ближнего как самого себя», но возможно другое – указание на национальные особенности любви как на призывы действовать исключительно из симпатии, а не по какому-то велению, даже велению сердца. Народы привыкают к себе, а значит, знают, что веление сердца бывает поспешным и ошибочным, тогда как соблюдение местных правил игры может поставить любящего на новую ступень сознания и счастья.

При изучении правил такой игры Стендаль сделал много наблюдений, ставших потом достоянием гуманитарной науки, например о влиянии арабской поэзии на средневековую провансальскую лирику или о том, что тоска и томление разных народов принципиально различаются, потому что это разные переживания отведенного на животворную любовь времени. Если мы сейчас читаем этот прекрасный, полный блистательных наблюдений, свернутых до одной фразы новелл, парадоксов, не просто остроумных, но мудрых, трактат, то мы изучаем и то, как любовь стала темой не только философии, но и психологии и всех гуманитарных наук. Мы благодаря Стендалю можем говорить, что такое любовь у Пушкина или любовь у Ахматовой, а прочитав его трактат от первой страницы до последней, мы удачно скажем, что такое любовь в нас самих.

Предисловие посвящаю проницательнейшему филологу Ольге Алимовне Богдановой.

*Александр Марков, Профессор РГГУ и ВлГУ,
27 июня 2018 г.*

Предисловие

Я прошу у читателя снисхождения к необычной форме этой «Физиологии любви».

Вот уже двадцать восемь лет, как потрясающие перемены, последовавшие за падением Наполеона, лишили меня моего положения. Двамя годами раньше, тотчас же после ужасов отступления из России, случай забросил меня в прелестный город, где я твердо рассчитывал провести остаток своих дней, что казалось мне восхитительным. В счастливой Ломбардии, в Милане, в Венеции наслаждение – главнейшее или, вернее сказать, единственное занятие в жизни. Ни малейшего внимания к делам или поведению соседей: люди почти не заботятся о том, что происходит с другими. Если они замечают существование соседей, то им и в голову не приходит ненавидеть их. Вычеркните зависть из жизни французского провинциального города. Что останется? Отсутствие, невозможность жестокой зависти составляет несомненный элемент счастья, влекущего в Париж всех провинциалов.

В связи с маскарадами карнавала 1820 года, более блестящими, чем обычно, на глазах миланского общества разыгралось пять или шесть совершенно безумных сцен; хотя в этой стране и привыкли к вещам, которые показались бы совершенно невероятными во Франции, ими все же занимались целый месяц. Боязнь смешного сделала бы у нас невозможными столь странные поступки; мне нужна большая смелость, чтобы дерзнуть хотя бы только заговорить о них.

Однажды вечером, в то время как следствия и причины наших сумасбродств подвергались глубокому обсуждению в салоне очаровательной г-жи Пьетрагруа, которая, вопреки обыкновению, не была замешана ни в одном из обсуждавшихся безумств, мне вдруг пришло в голову, что меньше чем через год, пожалуй, у меня сохранится лишь очень смутное воспоминание об этих странных событиях и причинах, которыми их объясняли. Я схватил программу какого-то концерта и набросал на ней несколько слов карандашом. Затеяли игру в *фараон*; нас собралось тридцать человек вокруг зеленого стола, но разговор стал настолько оживленным, что мы забыли об игре. К концу вечера пришел полковник Скотти, один из самых привлекательных людей в итальянской армии; к нему обратились за его долей сведений относительно странных фактов, интересовавших нас; и вот он рассказал нам вещи, о которых узнал по воле случая и которые придавали этим фактам совершенно новое освещение. Я опять взял программу концерта и записал эти новые подробности.

Это собрание особенностей из области любви я продолжал тем же способом и дальше, записывая их карандашом на клочках бумаги, попадавшихся мне в гостиных, где при мне рассказывали всякие случаи из жизни. Вскоре я приступил к поискам какого-нибудь общего закона для установления различных стадий любви. Два месяца спустя, боясь, что меня примут за *карбонария*, я вернулся в Париж – всего, как я думал, на несколько месяцев; но мне никогда больше не суждено было увидеть Милан, где я провел семь лет.

В Париже я умирал от скуки. Мне пришло в голову вновь заняться прелестной страной, из которой меня изгнал страх; я собрал в одну пачку мои листки и подарил тетрадь одному книгопродавцу. Однако вскоре возникло затруднение; типограф заявил, что невозможно набирать заметки, набросанные карандашом. Я отлично понял, что печатание такого рода рукописи кажется ему ниже его достоинства. Юный типографский подмастерье, вернувший мне мои заметки, был, по-видимому, весьма пристыжен неприятным поручением, которое на него возложили; он умел писать; я продиктовал ему свои заметки, сделанные карандашом.

Я понял также, что скромность вменяет мне в обязанность изменить собственные имена и в особенности сократить рассказы. Хотя в Милане читать и не принято, эта книга, если бы ее завезли туда, могла бы показаться чудовищно злой.

Итак, я опубликовал эту злосчастную книгу. Беру на себя смелость признаться, что в то время я имел дерзость презирать изящный стиль. Я видел, что юный подмастерье весьма тщательно избегал недостаточно звучных окончаний фраз и слов, образующих неприятные звуко-сочетания. С другой стороны, он не стеснялся при всяком удобном случае изменять подробно-сти событий, с трудом поддающихся изложению: сам Вольтер боится того, что трудно выразить.

В «Опыте о любви» могло представлять ценность только множество оттенков чувств, правдивость которых я просил читателя проверить по воспоминаниям, если ему посчастливилось испытать такие чувства. Но случилось нечто гораздо худшее: в те времена, как и всегда, я был весьма неопытен в литературных делах; книгопродавец, которому я подарил рукопись, издал ее на скверной бумаге и нелепым форматом. А через месяц, когда я опросил его о судьбе книги, он объявил мне: «Она словно заколдована: никто к ней не прикасается».

Мне даже не пришло в голову хлопотать об отзывах в газетах – такая вещь показалась бы мне низостью. Между тем ни одно сочинение не испытывало более настоятельной нужды в рекомендации терпеливому читателю. Под угрозой показаться непонятным с первых же страниц необходимо было убедить публику принять новое слово *кристаллизация*, предложенное мною с целью образно определить ту совокупность странных фантазий, которые представляются правдивыми и даже не подлежащими сомнению относительно любимого существа.

В ту пору, будучи под обаянием мелких подробностей, которые я недавно еще наблюдал в обожаемой мною Италии, совершенно влюбленный в них, я тщательно избегал каких-либо уступок, какой-либо закругленности стиля, способных сделать «Опыт о любви» менее экстра-вагантным в глазах литераторов.

К тому же я не льстил публике; то было время, когда у литературы, подавленной столь великими и столь недавними несчастьями, не было, казалось, иного занятия, как утешать наше страдающее тщеславие; она рифмовала «воитель» и «победитель», «бой» и «герой» и т. д. Скучная литература этой эпохи как будто ничуть не стремилась изобразить истинные обстоятельства событий, которые она бралась описывать; ей нужен был только предлог для восхваления нации, рабски преданной моде, нации, которую некий великий человек называл великой, забыв, что она была великой лишь тогда, когда он был ее вождем.

Не зная условий, нужных хотя бы для самого скромного успеха, с 1822 до 1833 года я нашел только семнадцать читателей, а за двадцать лет своего существования «Опыт о любви» был понят в лучшем случае сотней любознательных людей. У некоторых хватило терпения понаблюдать различные стадии этой болезни у окружающих, ибо, чтобы понять страсть, которая вот уже тридцать лет столь тщательно прячется у нас из боязни показаться смешной, нужно говорить о ней как о болезни; таким путем можно добиться иногда ее излечения.

Действительно, только после полувека переворотов, которые поочередно завладевали всем нашим вниманием, действительно, только после пяти коренных перемен в формах и устремлениях наших правительств революция начинает понемногу внедряться в наши нравы. Любовь – или то, что наиболее часто заменяет ее, присваивая ее имя, – была всемогуща во Франции при Людовике XV: придворные дамы производили в чин полковника, а чин этот был самым завидным в королевстве. Прошло пятьдесят лет, двора уж нет, и самые влиятельные женщины господствующей буржуазии и брюзжащей аристократии не могут добиться даже, чтобы кому-нибудь дали патент на табачную лавочку в самом глухом местечке.

Ибо надо признаться: женщины больше не в моде; в наших столь блестящих салонах двадцатилетние молодые люди рисуются тем, что не разговаривают с ними; они предпочитают толпиться вокруг какого-нибудь грубого красноречивого, обсуждающего с провинциальным акцентом вопрос о *способностях*, и пытаются вставить в разговор свое словечко. Богатые молодые люди, которые жаждут казаться ветреными, чтобы иметь вид преемников хорошего общества прежних времен, предпочитают говорить о лошадях и вести крупную игру в клубах, куда женщины не допускаются. Убийственное хладнокровие, как будто управляющее отношениями молодых

людей и двадцатилетних женщин, возвращенных обществу скукой брака, заставит, может быть, некоторых здравомыслящих людей благосклонно принять это добросовестное и точное описание последовательных стадий болезни, именуемой любовью.

Ужасающая перемена, повергшая нас в нынешнюю скуку и сделавшая для нас непонятным общество 1778 года в том виде, в каком оно раскрывается в письмах Дидро к м-ль Воллан, его возлюбленной, или в «Мемуарах» г-жи д'Эпине, может внушить нам желание выяснить, которое именно из наших последовательно сменявшихся правительств убило в нас способность к веселью и придало нам сходство с самым унылым народом на земле. Мы не в силах даже воспроизвести у себя их *парламент*, их партийную честность, единственно сносное из всего, что они выдумали. Зато самое глупое из их унылых изобретений, кичливость, заменило у нас французскую веселость, которую нигде не встретишь больше, разве только на пятах балах парижских предместий или на юге Франции, за Бордо.

Но которому из наших последовательно сменявшихся правительств обязаны мы страшным несчастьем *англизации*? Винить ли в этом энергичное правительство 1793 года, помешавшее иностранцам расположиться лагерем на Монмартре, правительство, которое спустя немного лет покажется нам героическим и которое служит достойной прелюдией тому, которое при Наполеоне разнесло наше имя по всем столицам Европы?

Мы забудем благонамеренную глупость Директории, прославившейся благодаря таланту Карно и бессмертной итальянской кампании 1796–1797 годов.

Распущенность двора Барраса еще напоминала веселье старого режима; очарование г-жи Бонапарт показывало, что у нас не было тогда ни малейшего предрасположения к угрюмости и спеси англичан.

Глубокое уважение к способу управления первого консула, которое мы, несмотря на зависть Сен-Жерменского предместья, не могли победить в себе, и исключительно достойные люди, как Кроте, Дарю и т. д., блиставшие тогда в парижском обществе, не позволяют нам взвалить на Империю ответственность за ту огромную перемену, которая совершилась во французском характере в течение первой половины XIX века.

Углублять мое исследование бесполезно: читатель поразмыслит и, конечно, сумеет сам сделать вывод...

Книга первая

Глава I О любви

Я пытаюсь дать себе отчет в этой страсти, всякое искреннее проявление которой носит печать прекрасного.

Есть четыре рода любви.

1. Любовь-страсть: любовь португальской монахини, любовь Элоизы к Абеляру, любовь капитана Везеля, любовь жандарма в Ченто.

2. Любовь-влечение, которое царило в Париже в 1760 году и которое можно найти в мемуарах и романах этого времени – у Кребийлона, Лозена, Дюкло, Мармонтеля, Шамфора, г-жи д'Эпине, и т. д., и т. д.

Это картина, где все, вплоть до теней, должно быть розового цвета, куда ничто неприятное не должно вкратиться ни под каким предлогом, потому что это было бы нарушением верности обычаю, хорошему тону, такту и т. д. Человеку хорошего происхождения заранее известны все приемы, которые он употребит и с которыми столкнется в различных фазисах этой любви; в ней нет ничего страстного и непредвиденного, и она часто бывает изящнее настоящей любви, ибо ума в ней много; это холодная и красивая миниатюра по сравнению с картиной одного из Каррачи, и в то время, как любовь-страсть заставляет нас жертвовать всеми нашими интересами, любовь-влечение всегда умеет принаравливать к ним. Правда, если отнять у этой бедной любви тщеславие, от нее почти ничего не останется; лишенная тщеславия, она становится выздоравливающим, который до того ослабел, что едва может ходить.

3. Физическая любовь.

Подстеречь на охоте красивую и свежую крестьянку, убегающую в лес. Всем знакома любовь, основанная на удовольствиях этого рода; какой бы сухой и несчастный характер ни был у человека, в шестнадцать лет он начинает с этого.

4. Любовь-тщеславие.

Огромное большинство мужчин, особенно во Франции, желают обладать и обладают женщинами, которые в моде, как красивыми лошадьми, как необходимым предметом роскоши молодого человека; более или менее польщенное, более или менее возбужденное тщеславие рождает порывы восторга. Иной раз, но далеко не всегда тут есть физическая любовь; часто нет даже физического удовольствия. «В глазах буржуа герцогине никогда не бывает больше тридцати лет», – говорила герцогиня де Шон, а люди, близкие ко двору короля Людовика Голландского, этого справедливого человека, до сих пор еще улыбаются, вспоминая об одной хорошенькой женщине из Гааги, не решавшейся не найти очаровательным мужчину, если он был герцог или принц. Но, соблюдая верность монархическому принципу, она, едва лишь при дворе появлялся принц, тотчас давала отставку герцогу; она была как бы украшением дипломатического корпуса.

Наиболее счастливо складываются эти пошлые отношения тогда, когда физическое удовольствие усиливается благодаря привычке. Воспоминания придают ей тогда некоторое сходство с любовью; покинутый испытывает укол самолюбия и грусть; образы, встающие из романов, волнуют его, и он воображает себя влюбленным и тоскующим, ибо тщеславие жаждет казаться великой страстью. Несомненно то, что, какому бы роду любви мы ни были обязаны наслаждением, оно становится острым, как только к нему примешивается экзальтация, и тогда воспоминание о нем бывает увлекательно; а в этой страсти, в противоположность большинству других страстей, воспоминание об утраченном всегда кажется выше того, чего мы можем ждать от будущего.

Иногда привычка или отсутствие надежд на лучшее превращает любовь-тщеславие в наименее привлекательный вид дружбы: она хвастает своей прочностью и т. д.¹.

Физическое удовольствие, свойственное природе человека, знакомо всем, но нежные и страстные души отводят ему лишь второстепенное место. Однако, если такие души кажутся смешными в салонах, если светские люди часто причиняют им страдания своими интригами, им зато даны радости, совершенно недоступные сердцам, которые сильно быются только из-за тщеславия или из-за денег.

Некоторые добродетельные и нежные женщины не имеют почти никакого понятия о физических наслаждениях; они, если можно так выразиться, редко достаются им, и даже, когда это случается, восторги любви-страсти заставляют их почти забывать о телесном наслаждении.

Среди мужчин есть жертвы и орудия адской гордости, гордости в духе Альфьери. Эти люди, жестокие, может быть, потому, что они всегда трепещут, подобно Нерону, судя о всех своих ближних по собственному сердцу, эти люди, говорю я, испытывают физическое наслаждение лишь тогда, когда оно сопровождается величайшим удовлетворением гордости, то есть когда они изощряются в жестокости над женщиной, доставляющей им наслаждение. Отсюда ужасы «Жюстины». Эти люди не могут приобрести чувства уверенности менее дорогой ценой.

Впрочем, вместо того чтобы различать четыре рода любви, вполне возможно допустить восемь или десять разновидностей ее. У людей, пожалуй, столько же способов чувствовать, сколько точек зрения, но различия в номенклатуре ничего не меняют в дальнейших рассуждениях. Всякая любовь, которую случается наблюдать на земле, рождается, живет и умирает или возвышается до бессмертия, следуя одним и тем же законам².

¹ Известный разговор Пон-де-Вейля и г-жи Дюдефан у камина.

² Эта книга – вольный перевод итальянской рукописи Ливно Висконти, в высшей степени выдающегося молодого человека, недавно умершего у себя на родине в Вольтерре. В день своей неожиданной кончины он позволил переводчику опубликовать его «Опыт о любви», если переводчик окажется в состоянии дать ему пристойную форму. Кастель Фьерентино, 10 июня 1819 г.

Глава II

О зарождении любви

Вот что происходит в душе.

1. Восхищение.

2. Человек думает: «Какое наслаждение целовать ее, получать от нее поцелуй!» и т. д.

3. Надежда.

Начинается изучение совершенства; чтобы получить возможно большее физическое наслаждение, женщине следовало бы отдаваться именно в этот момент. Даже у самых сдержанных женщин глаза краснеют в миг надежды; страсть так сильна, наслаждение настолько живо, что оно проявляется в разительных признаках.

4. Любовь зародилась.

Любить – значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь всеми органами чувств и на как можно более близком расстоянии существо, которое ты любишь и которое любит тебя.

5. Начинается первая кристаллизация.

Нам доставляет удовольствие украшать тысячу совершенств женщину, в любви которой мы уверены; мы с бесконечной радостью перебираем подробности нашего блаженства. Это сводится к тому, что мы преувеличиваем великолепное достояние, которое упало нам с неба, которого мы еще не знаем и в обладании которым мы уверены.

Дайте поработать уму влюбленного в течение двадцати четырех часов, и вот что вы увидите.

В соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать.

То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами.

Путешественник рассказывает о прохладе апельсиновых рощ в Генуе, на берегу моря, в знойные дни; как приятно вкушать эту прохладу вместе с нею!

Один из ваших друзей сломал себе на охоте руку; как сладостно пользоваться уходом женщины, которую любишь! Быть всегда с ней и непрерывно видеть, что она любит тебя, да это заставило бы чуть ли не благословлять страдание! И, взяв за отправную точку сломанную руку друга, вы перестаете сомневаться в ангельской доброте возлюбленной. Одним словом, достаточно подумать о каком-нибудь достоинстве, чтобы найти его в любимом существе.

Это явление, которое я позволяю себе назвать *кристаллизацией*, исходит от природы, повелевающей нам наслаждаться и заставляющей кровь приливать к мозгу от чувства, что наслаждения усиливаются вместе с увеличением достоинств предмета нашей любви, о котором мы думаем: «Она моя». Дикарь не успевает ступить дальше первого шага. Наслаждение он испытывает, но деятельность его мозга тратится на погоню за ланью, которая убегает в лес, между тем как он должен как можно скорее восстановить свои силы с помощью ее мяса, чтобы не погибнуть от секиры врага.

На вершине цивилизации, я не сомневаюсь, женщины с нежной душой доходят до того, что испытывают физическое удовольствие только с мужчинами, которых они любят³. Это полная противоположность дикарю. Но у цивилизованных народов женщины пользуются досугом, а дикари так поглощены своими делами, что им приходится обращаться со своими самками, как с выючными животными. Если самки многих животных более счастливы, то лишь потому, что самцы их более обеспечены всем необходимым.

Но оставим леса и вернемся в Париж. Страстный человек видит в любимом существе все совершенства; однако внимание его еще может рассеяться, ибо душа пресыщается всем, что однообразно, да же полным счастьем⁴.

Вот что происходит тогда для фиксации внимания:

6. Рождается сомнение.

После десяти – двенадцати взглядов или любого другого ряда действий, которые могут продолжаться либо один миг, либо несколько дней, – действий, сперва вселивших, а потом и укрепивших надежду, – влюбленный, опомнившись после первой минуты удивления и при-выкнув к своему счастью или следуя теории, всегда основывающейся на наиболее распространенных случаях и потому касающейся лишь доступных женщин, влюбленный, говорю я, требует более реальных доказательств и жаждет ускорить свое счастье.

Если он выказывает чрезмерную самоуверенность, ему противопоставляют равнодушие⁵, холодность или даже гнев; во Франции – легкую иронию, которая как будто говорит: «Вам кажется, что вы достигли большего, чем это есть на самом деле». Женщина ведет себя так либо потому, что она пробуждается от мгновенного опьянения и повинует стыдливости, либо потому, что боится насилия, либо просто из осторожности или кокетства.

Влюбленный начинает сомневаться в счастье, казавшемся ему близким; он строго пересматривает основания для надежды, которые ему чудились.

Он хочет вознаградить себя другими радостями жизни и *обнаруживает их исчезновение*. Боязнь ужасного несчастья овладевает им, а вместе с этой боязнью появляется и глубокое внимание.

7. Вторая кристаллизация.

Тогда начинается вторая кристаллизация, образующая в качестве алмазов подтверждение мысли:

«Она меня любит».

Каждые четверть часа ночи, наступающей после зарождения сомнений, пережив минуту страшного горя, влюбленный говорит себе: «Да, она меня любит»; и кристаллизация работает над открытием новых очарований; потом сомнение с блуждающим взором овладевает им и резко останавливает его. Грудь его забывает дышать; он спрашивает себя: «Но любит ли она меня?» Во время всех этих мучительных и сладостных колебаний бедный влюбленный живо чувствует: «Она дала бы мне наслаждение, которое может дать только она одна во всем мире».

Именно очевидность этой истины, эта прогулка по самому краю ужасной бездны и в то же время соприкосновение с полным счастьем, дает такое преимущество второй кристаллизации над первой.

Влюбленный непрерывно блуждает между тремя мыслями.

³ Если эта особенность не наблюдается у мужчин, то это происходит оттого, что им не приходится жертвовать стыдливостью ради одного мгновения.

⁴ Это значит, что один и тот же оттенок жизни дает лишь мгновение полного счастья; но поведение страстного человека меняется по десять раз в день.

⁵ То, что романы XVII века называли внезапной вспышкой, решающей судьбу героя и его возлюбленной, есть движение души, затасканное бесконечным числом бумагомарателей, но от этого не менее существующее в природе; оно происходит от невозможности долго вести оборону. Любящая женщина слишком счастлива чувством, которое она испытывает, чтобы быть в состоянии искусно притвориться; благоразумие ей надоедает, она пренебрегает всякой осторожностью и слепо отдается счастью любви. Недоверие делает внезапную вспышку невозможной.

1. В ней все совершенства.

2. Она меня любит.

3. Как добиться от нее величайшего доказательства любви, какое только возможно?

Самый мучительный миг еще молодой любви тот, когда влюбленный замечает, что им сделано неправильное умозаключение и приходится разрушать целую гроздь кристаллов.

Он начинает сомневаться в самой кристаллизации.

Глава III О надежде

Очень малой степени надежды достаточно, чтобы вызвать к жизни любовь.

Через два-три дня надежда может исчезнуть, тем не менее любовь уже родилась.

При решительном, смелом, порывистом характере и воображении, развитом жизненными несчастьями, —

степень надежды может быть меньше;

она может исчезнуть, не убивая любви.

Если влюбленный испытал несчастья, если у него нежный и задумчивый склад души, если он отчаялся в других женщинах, если в нем живо восхищение той, о которой идет речь, никакие обычные радости не будут в состоянии отвлечь его от второй кристаллизации. Он предпочтет лучше мечтать о самой неопределенной возможности понравиться ей когда-нибудь, чем получить от обыкновенной женщины все, что она может дать.

Другое дело, если бы в это время — и, заметьте хорошенько, никак не позже — любимая женщина каким-нибудь ужасным способом убила в нем надежду и уничтожила его тем публичным презрением, которое не позволяет больше встречаться с людьми.

При зарождении любви возможны гораздо более длинные промежутки между всеми этими периодами.

Оно требует гораздо больше надежды, и надежды гораздо более обоснованной, у людей холодных, флегматичных и осторожных. То же можно сказать и о людях пожилых.

Длительность любви обеспечивается второй кристаллизацией, во время которой каждую минуту очевидно, что нужно добиться взаимности или умереть. После этой ежеминутной уверенности, обращающейся в привычку за несколько месяцев любви, как вынести хотя бы только мысль о том, чтобы перестать любить? Чем сильнее у человека характер, тем менее склонен он к непостоянству.

Эта вторая кристаллизация почти совершенно отсутствует в случаях любви, вызванной женщинами, которые слишком быстро отдаются.

Как только сказывается действие кристаллизаций, особенно второй, гораздо более сильной, безучастные глаза перестают узнавать ветку дерева;

ибо 1) она украшена совершенствами или алмазами, которых они не видят;

2) она украшена совершенствами, которые для них не суть достоинства.

Совершенство некоторых прелестей, о которых ему говорит бывший друг его возлюбленной, и особый оттенок оживления, подмеченный в ее глазах, — вот алмаз кристаллизации⁶ Дель Россо. Эти представления, мелькнувшие в течение вечера, заставляют его мечтать всю ночь.

⁶ Я назвал этот опыт идеологической книгой. Моею целью было указать, что, хотя она и называется «Любовь», это не роман и особенно что она лишена занимательности романа. Прошу прощения у философов за употребление слова идеология. В мои намерения, конечно, не входило присваивать термин, на который имеют право другие. Если идеология представляет собою подробное описание идеи и всего того, что может входить в их состав, то настоящая книга есть подробное и тщательное описание всех чувств, входящих в состав страсти, именуемой любовью. К тому же я извлекаю из этого описания несколько выводов — например, способ исцелиться от любви. Я не знаю слова, означающего по-гречески рассуждение о чувствах, подобно тому, как идеология означает рассуждение об идеях. Я мог бы попросить моих ученых друзей выдумать подходящее слово, но мне уже в достаточной мере неприятно, что я вынужден был прибегнуть к новому слову кристаллизация, и я вполне допускаю, что, если моя книга найдет читателей, они этого слова мне не простят. Сознаюсь, что, избежав его, я проявил бы некоторый литературный талант; я пытался сделать это, но безуспешно. Без этого слова, выражающего, по-моему, основную сущность безумия, именуемого любовью, безумия, которое все же доставляет человеку величайшее наслаждение, какое только дано испытать на земле существам его породы, без употребления этого слова, которое постоянно пришлось бы заменять весьма длинной перифразой, мое описание того, что происходит в уме и в сердце влюбленного, сделалось бы неясным, тяжелым, скучным даже для меня, автора: каково же было бы читателю? Вот почему я предлагаю читателю, который почувствует, что его слишком шокирует слово кристаллизация, закрыть эту книгу. К моему великому счастью, конечно, я вовсе не жажду

Неожиданное замечание, благодаря которому мне яснее открывается нежная, пламенная или, как принято говорить, *романическая*⁷ – душа, ставящая выше королевских утех простую радость полуночной прогулки вдвоем с возлюбленным в отдаленном лесу, тоже на всю ночь погружает меня в мечты⁸.

Кто-нибудь скажет, что моя возлюбленная – недотрога; я скажу, что его возлюбленная – *девка*.

иметь много читателей. Мне было бы отрадно очень понравиться тридцати или сорока парижанам, которых я никогда не увижу, но которых люблю до безумия, не будучи знаком с ними. Например, какой-нибудь молоденькой г-же Ролан, читающей тайком книгу, которую она при малейшем шуме поспешно прячет в ящик рабочего станка своего отца, гравирующего крышки для часов. Душа, подобная душе г-жи Ролан, простит мне, надеюсь, не только слово кристаллизация, употребляемое для обозначения акта безумия, открывающего нам все красоты и все виды совершенства в женщине, которую мы начинаем любить, но и некоторые слишком смелые эллипсисы. Стоит только взять карандаш и вписать между строк пять или шесть недостающих слов.

⁷ Все ее поступки сразу же приобрели в моих глазах тот небесный ореол, который мгновенно превращает человека в некое особенное существо, отличающееся от всех остальных. Мне казалось, я читал в ее глазах жажду более высокого счастья, невысказанную тоску, стремящуюся к чему-то лучшему, чем то, что мы находим на земле, к чему-то такому, что при всяких положениях, в которые превратности судьбы и революций могут поставить романтическую душу....Still prompts the celestial sight,For which we wish to live, or dare to die.Ultima lettera di Bianca a sua madre, Forli, 1817*.*...вызывает небесное видение, ради которого мы жаждем жить или дерзаем умирать (англ.).Последнее письмо Бьянки к ее матери, Форли, 1817 г. (итал).

⁸ Пользуясь местоимением «я», автор приводит ряд ощущений, ему чуждых, только ради краткости и возможности изобразить душевные переживания; с ним самим не было ничего такого, что стоило бы описывать.

Глава IV

В душе совершенно не затронутой, у молодой девушки, живущей в уединенном замке, в деревенской глуши, легкое удивление может перейти в легкий восторг, и, если появится еще хоть самая незначительная надежда, она породит любовь и кристаллизацию.

В этом случае любовь привлекает прежде всего своей занимательностью.

Удивлению и надежде сильнейшим образом способствует потребность в любви и в тоске, свойственная шестнадцатилетнему возрасту. Достаточно известно, что беспокойство в такие годы есть жажда любви и что отличительным признаком этой жажды служит отсутствие чрезмерной взыскательности к происхождению напитка, предложенного случаем.

Перечислим еще раз семь периодов любви; это:

1. Восхищение.
2. Какое наслаждение и т. д.
3. Надежда.
4. Любовь родилась.
5. Первая кристаллизация.
6. Появляются сомнения.
7. Вторая кристаллизация.

Может пройти год между № 1 и № 2.

Месяц – между № 2 и № 3; если надежда не спешит на помощь, человек незаметно для себя отказывается от № 2 как от чего-то приносящего несчастье.

Мгновение ока – между № 3 и № 4.

Промежутка между № 4 и № 5 нет. Их может разделять только наступившая близость.

Между № 5 и № 6 может пройти несколько дней в зависимости от степени настойчивости и от склонности человека к дерзанию; промежутка нет между № 6 и № 7.

Глава V

Человек не волен не делать того, что доставляет ему больше наслаждения, чем все другие возможные действия⁹.

Любовь подобна лихорадке, она родится и гаснет без малейшего участия воли. Это одно из главных различий между любовью-влечением и любовью-страстью; можно радоваться качествам любимого существа только как счастливой случайности.

Наконец, любовь свойственна всем возрастам: вспомним страсть госпожи Дюдефан к малопривлекательному Горацию Уолполу. Может быть, в Париже еще сохранилось воспоминание о более недавнем и, главное, более привлекательном случае.

Я признаю доказательством больших страстей только такие проявления их, которые смешны и нелепы; например, робость – доказательство любви, ложный стыд при выходе из коллежа сюда не относится.

⁹ В отношении преступлений хорошее воспитание сказывается в том, что возникает раскаяние, предвидение которого ложится грузом на чашу весов.

Глава VI

Зальцбургская ветка

Кристаллизация в любви почти никогда не прекращается. Вот ее история. Пока еще не наступила близость с любимым существом, налицо кристаллизация *воображаемого разрешения*: только воображением вы уверены, что данное достоинство существует в женщине, которую вы любите. После наступления близости непрерывно возрождающиеся опасения удастся разрешить более действительным образом. Таким образом, счастье бывает однообразно только в своем источнике. У каждого дня свой особый цветок.

Если любимая женщина уступает испытываемой страсти и, совершая огромную ошибку, убивает опасения пылкостью своих порывов¹⁰, кристаллизация на время приостанавливается, но, теряя отчасти свою напряженность, то есть свои опасения, она приобретает прелесть полной непринужденности, безграничного доверия; сладостная привычка скрадывает все жизненные горести и придает наслаждениям повышенный интерес.

Если вас покинули, кристаллизация начинается опять, и каждый акт восхищения, вид каждой формы счастья, которое она может дать и о котором вы уже больше не помышляли, приводит к мучительной мысли: «Это столь пленительное счастье *никогда* уже не вернется ко мне! И я утратила его по собственной вине!» Если вы ищете счастья в ощущениях иного рода, ваше сердце отказывается воспринять их. Правда, фантазия ваша рисует реальные картины; она сажает вас на быстрого коня и мчит на охоту в Девонширские леса¹¹, но вы видите, вы с очевидностью чувствуете, что это не доставило бы вам ни малейшего удовольствия. Вот оптический обман, который приводит к выстрелу из пистолета.

В игре есть тоже своя кристаллизация, вызванная предполагаемым употреблением денег, которые вы выиграете.

Придворные игры, столь оплакиваемые аристократами, называющими их законной монархией, были так притягательны только кристаллизацией, которую они вызывали. Не было придворного, который не мечтал бы о быстрой карьере какого-нибудь Люина или Лозена, и прелестной женщины, которой не мерещилось бы герцогство г-жи де Полиньяк. Ни одна разумная форма правления не в состоянии дать этой кристаллизации. Ничто так не враждебно воображению, как правительство Американских Соединенных Штатов. Мы видели, что их соседям-дикарям почти незнакома кристаллизация. Римляне не имели о ней понятия, и она проявлялась у них только в физической любви.

У ненависти есть своя кристаллизация: стоит лишь появиться надежде на месть, как снова вспыхивает ненависть.

Если всякое верование, в котором есть что-то *противоразумное* или *недоказанное*, всегда стремится избрать своего главу среди самых неразумных людей, это опять-таки одно из следствий кристаллизации. Кристаллизация есть даже в математике (вспомним ньютонианцев 1740 года), в умах людей, которые не в состоянии в любой момент представить себе всех звеньев доказательства того, во что они верят.

Чтобы убедиться в этом, проследите судьбу великих немецких философов, бессмертие которых, провозглашавшееся столько раз, никогда не длилось больше тридцати или сорока лет.

Мы не можем отдать себе отчета в *причине* наших чувств, и оттого самые разумные люди фанатичны в музыке.

Нелегко доказать себе свою правоту пред лицом какого-нибудь спорщика.

¹⁰ Диана де Пуатье в «Принцессе Клевской».

¹¹ Ибо, если бы вы могли представить себе в этом счастье, кристаллизация дала бы вашей возлюбленной исключительную привилегию доставлять вам это счастье.

Глава VII

О различиях между зарождением любви у обоих полов

Женщин привязывают их же собственные милости. Так как девятнадцать двадцатых их обычных мечтаний относятся к области любви, то после наступления близости мечтания эти бывают сосредоточены вокруг одного-единственного предмета; они ставят себе целью оправдать шаг столь необыкновенный, столь решительный, столь противоречащий всем привычкам стыдливости. Такого занятия для мужчин не существует; затем женское воображение разбирает на досуге подробности этих восхитительных минут.

Так как любовь заставляет сомневаться в вещах вполне доказанных, та самая женщина, которая до близости была вполне уверена, что ее возлюбленный выше пошлых побуждений, начинает бояться, что он лишь стремился увеличить еще одним именем список своих побед, как только она убеждается, что ей уже не в чем отказать ему.

Лишь тогда появляется вторая кристаллизация, которая гораздо сильнее первой, так как ее сопровождают опасения¹².

Женщине кажется, что она из королевы превратилась в рабыню. Это душевное и умственное состояние поддерживается нервным опьянением, которое вызывается удовольствиями, тем более ощутительными, чем более они редки. Наконец, женщина, сидя за вышивкой – работой бессмысленной и занимающей только руки, – думает о возлюбленном, в то время как он, мчась галопом по равнине со своим эскадроном, подвергается аресту, когда по его вине совершается неправильный маневр.

Итак, я склонен думать, что вторая кристаллизация гораздо сильнее у женщин потому, что опасения у них живее: гордость и честь задеты; рассеяться им во всяком случае труднее.

Женщиной не может руководить привычка к рассудительности, которую я, мужчина, поневоле приобретаю за своим письменным столом, работая по шесть часов ежедневно над холодными и рассудительными вещами. Даже помимо любви они склонны предаваться собственному воображению и привычной экзальтации: забвение недостатков в предмете любви должно происходить у них быстрее.

Женщины предпочитают чувства разуму; это очень просто: так как в силу наших глупых обычаев на них не возлагается в семье никакого дела, *разум никогда не бывает им полезен*, и они никогда не убеждаются в его пригодности для чего-либо.

Напротив, он всегда *вреден* им, так как выступает на сцену только для того, чтобы пожурить их за вчерашнее наслаждение или повелеть им не наслаждаться завтра.

Поручите вашей жене вести дела с фермерами двух ваших имений; держу пари, что счетные книги ваши будут в большем порядке, чем при вас, и тогда, жалкий деспот, вы приобретете по крайней мере *право* жаловаться, если уж вы неспособны вызвать к себе любовь. Как только женщины пускаются в рассуждения общего характера, они предаются любви, не замечая этого. Для них становится вопросом тщеславия быть в мелочах строже и точнее мужчин. Половина мелкой торговли доверена женщинам, которые справляются с нею лучше, чем их мужья. Общеизвестна истина, что, говоря с ними о делах, никогда не рискуешь показаться слишком серьезным.

Все это потому, что они всегда и всюду жаждут чувства: вспомните развлечения на похоронах в Шотландии.

¹² Вторая кристаллизация отсутствует у доступных женщин, весьма далеких от всех этих романических идей.

Глава VIII

*This was her Favoured fairy realm,
and here she erected her aerial palaces.
Lammermoor. I, 70¹³.*

Восемнадцатилетняя девушка не обладает достаточными средствами для кристаллизации; она испытывает желания, слишком ограниченные ее малым жизненным опытом, чтобы быть в состоянии любить с такой же страстью, как женщина двадцати восьми лет.

Сегодня вечером я изложил эту теорию одной умной женщине, утверждающей противное. «Так как воображение молодой девушки не охлаждено никаким неприятным опытом, огонь ранней юности – в полном разгаре; вот отчего возможно, что она создаст восхитительный образ из первого попавшегося человека. Встречая своего возлюбленного, она неизменно будет наслаждаться не тем, что он представляет собою на самом деле, а прелестным образом, созданным ею самой.

Позже, когда она разочаруется в этом возлюбленном и во всех мужчинах, опыт печальной действительности уменьшит в ней способность к кристаллизации, недоверие подрежет крылья воображению. Какой бы мужчина ни повстречался ей, хотя бы самый значительный, она уже не будет в состоянии создать столь увлекательный образ; следовательно, она не будет в состоянии любить с пылом первой юности. И так как в любви мы наслаждаемся лишь иллюзией, порождаемой нами самими, никогда образ, созданный ею в двадцать восемь лет, не будет иметь блеска и величия того образа, на котором зиждилась первая любовь в шестнадцать лет, и вторая любовь неизбежно покажется более низкой по качеству».

«Нет, сударыня, присутствие недоверия, которого не было в шестнадцать лет, есть, очевидно, то, что должно придать иную окраску этой второй любви. В первой молодости любовь подобна огромному потоку, увлекающему все на своем пути; чувствуешь, что ему невозможно противиться. А в двадцать восемь лет нежная душа уже познала себя; она знает, что если ей суждено еще счастье в жизни, то искать его нужно в любви; в бедном встревоженном сердце начинается страшная борьба между любовью и недоверием. Кристаллизация подвигается медленно; но если ей удастся выйти победительницей из страшного испытания, во время которого все движения души совершаются пред лицом самой ужасной опасности, она в тысячу раз ярче и прочнее, чем кристаллизация в шестнадцать лет, когда в силу преимуществ возраста все сводилось к веселью и счастью.

Итак, любовь должна быть менее радостной и более страстной»¹⁴.

Этот разговор (Болонья, 9 марта 1820 года), опровергающий пункт, казавшийся мне таким ясным, заставляет меня все больше думать, что мужчина не может сказать почти ничего дельного о том, что происходит в сердце нежной женщины; другое дело – кокетка: чувственность и тщеславие присущи и нам.

Несходство между рождением любви у обоих полов происходит, должно быть, от различного характера надежды у них. Один нападает, а другой защищается; один просит, а другой отказывает; один смел, другой очень робок.

Мужчина думает: «Сумею ли я ей понравиться? Захочет ли она полюбить меня?»

Женщина: «Не играет ли он мною, говоря, что любит меня? Положительный ли у него характер? Может ли он поручиться за продолжительность своих чувств?» Вот почему многие

¹³ Это было ее любимое сказочное царство, в котором она воздвигала свои воздушные замки. В. Скотт, «Ламермурская невеста».

¹⁴ Эпикур говорил, что умение различать необходимо для обладания наслаждением.

женщины смотрят на молодого человека двадцати трех лет как на ребенка и обращаются с ним как с ребенком; стоит ему проделать шесть походов – и все меняется: это новый герой.

У мужчины надежда зависит просто от поступков любимой женщины: нет ничего легче для истолкования. У женщин надежда должна быть основана на моральных соображениях, с большим трудом поддающихся правильной оценке. Большинство мужчин просят доказательств любви, которые, по их мнению, рассеивают все сомнения; для женщин, к несчастью, не существует таких доказательств; и жизнь так печально устроена, что то самое, что дает спокойствие и счастье одному из любящих, для другого является опасностью и почти унижением.

В любви мужчины подвергаются риску тайного мучения души, а женщинам грозят насмешки окружающих; они более робки, и, кроме того, общественное мнение играет для них гораздо более значительную роль, ибо *«будь уважаемой, это необходимо»*¹⁵.

Они лишены возможности подчинить себе общественное мнение, на минуту подвергнув свою жизнь опасности.

Поэтому женщинам приходится быть гораздо недоверчивее. В силу их привычек все движения мысли, образующие фазисы рождения любви, у них более мягки, более робки, более медленны, менее решительны; у них поэтому больше склонности к постоянству; им труднее остановить уже начавшуюся кристаллизацию.

Встречаясь со своим возлюбленным, женщина торопливо размышляет или предается счастью любви, счастьем, от которого ее тягостно отрывает малейшее его домогательство, ибо тогда она вынуждена оставить все удовольствия и поспешно взяться за оружие.

Роль любовника проще: он смотрит в глаза любимой женщины, одна улыбка может вознести его на вершину счастья, и он непрерывно ищет ее¹⁶. Мужчину унижает долгая осада; женщину, наоборот, она покрывает славой.

Женщина способна любить и в течение целого года сказать лишь десять или двенадцать слов человеку, которому она отдает предпочтение. В глубине ее сердца ведется счет всем случаям, когда она его видела; она два раза была с ним в театре, два раза обедала с ним в гостях, он три раза поклонился ей на прогулке.

Однажды вечером, во время какой-то игры в салоне, он поцеловал ей руку; мы заметили, что с тех пор она ни под каким предлогом, даже рискуя показаться странной, никому не позволяет целовать свою руку.

«У мужчины такое поведение в любви называли бы женственным», – говорила мне Леонора.

¹⁵ Вспомним изречение Бомарше: «Природа говорит женщине: будь прекрасной, если можешь, добродетельной, если хочешь, но будь уважаемой, это необходимо!» Без почтения во Франции нет восхищения, этой первоосновы любви.

¹⁶ Quando leggemmo il disiato riso
Esser baciato da cotanto amante,
Costui che mai da me non fia diviso,
La bocca mi baciò tutto tremante.
«Francesca da Rimini» Dante
Когда прочли мы, что его любимой
Был так отраден поцелуев миг,
Он, от меня досель неотделимый,
Затрепетав, к устам моим приник.
Данте. «Ад», песнь V. Эпизод Франчески да Римини.

Глава IX

Я прилагаю все усилия к тому, чтобы быть *сухим*. Я хочу заставить молчать свое сердце, которому кажется, что оно может о многом сказать. Я трепещу все время от мысли, что, желая высказать истину, я записываю только вздох.

Глава X

В доказательство кристаллизации я расскажу лишь следующий случай¹⁷.

Молодая девушка слышит разговоры о том, что Эдуард, родственник ее, возвращающийся из армии, – юноша, обладающий величайшими достоинствами; ее уверяют, что он влюбился в нее по рассказам, но что, по всей вероятности, он захочет увидеться с ней перед тем, как объясниться и попросить у родителей ее руки. В церкви она обращает внимание на молодого приезжего, слышит, что его называют Эдуардом, думает только о нем, влюбляется в него. Неделю спустя приезжает настоящий Эдуард – не тот, которого она видела в церкви; она бледнеет и будет несчастна всю жизнь, если ее заставят выйти за него.

Вот что нищие духом называют одним из безрассудств любви.

Великодушный человек осыпает несчастную молодую девушку самыми утонченными благодеяниями; лучше быть нельзя, и любовь вот-вот должна родиться, но у него плохо выложенная шляпа, и он неуклюже ездит верхом; молодая девушка признается себе, вздыхая, что она не может ответить на его чувства.

Человек ухаживает за добродетельнейшей светской женщиной; она узнает, что в прошлом у него были смешные физические неудачи; он становится невыносим ей. Между тем у нее не было ни малейшего намерения когда-либо отдаться ему, и эти тайные неудачи нисколько не умаляют ни ума его, ни его любезности. Просто-напросто кристаллизация стала невозможна.

Для того чтобы человеческое сердце могло с восторгом приняться за обожествление любимого существа, где бы оно ни предстало ему, в Арденском лесу или на балу Кулона, оно прежде всего должно показаться влюбленному совершенным не во всех возможных отношениях, а в тех отношениях, которые он наблюдает в данный момент; оно покажется ему совершенным во всех отношениях лишь после нескольких дней второй кристаллизации. Весьма понятно: в этом случае достаточно подумать о каком-нибудь совершенстве, чтобы увидеть его в любимом существе.

Ясно, почему *красота* необходима для рождения любви. Нужно, чтобы безобразие не представляло препятствия. Вскоре любовник начинает находить красивой свою возлюбленную такую, какая она есть, не думая нисколько *об истинной красоте*.

Черты истинной красоты обещали бы ему, если бы он их увидел, – да позволено мне будет так выразиться, – количество счастья, которое я обозначил бы единицей, а черты его возлюбленной – такие, какие они есть, – обещают ему тысячу единиц счастья.

Для рождения любви красота необходима, как *вывеска*; она предрасполагает к этой страсти похвалами, расточаемыми в нашем присутствии той, которую мы должны полюбить. Очень сильный восторг придает решающее значение малейшей надежде.

В любви-влечении и, может быть, в первые пять минут любви-страсти женщина, которая заводит любовника, больше считается с представлением о нем других женщин, чем со своим собственным.

Отсюда успех принцев и военных¹⁸.

¹⁷ Эмполи, июнь 1819 г.

¹⁸ Those who remarked in the countenance of this young hero adissolute audacity mingled with extreme haughtiness and indifference to the feelings of others, could not yet deny to his countenance that sort of comeliness which belongs to an open set of features, well formed by nature, modelled by art to the usual rules of courtesy, yet so far frank and honest, that they seemed as if they disclaimed to conceal the natural working of the soul. Such an expression is often mistaken for manly frankness, when in truth it arises from the reckless indifference of a libertine disposition, conscious of superiority of birth, of wealth, or of some other adventitious advantage totally unconnected with personal merit. «Ivanhoe», tome I, page 145. Люди, замечавшие в лице этого молодого героя разнузданную смелость в соединении с крайним высокомерием и равнодушием к чувствам ближних, не могли все же отказать ему в той красоте, которая свойственна открытым чертам, изящно вылепленным природой, искусно приспособленным к обычным законам рыцарски-вежливого обращения и в то же время столь правдивым и честным, что, казалось, они отказы-

Хорошенькие женщины при дворе состарившегося Людовика XIV были влюблены в своего государя.

Нужно крайне остерегаться облегчать путь надежде, пока нет уверенности, что восхищение уже налицо. Иначе может появиться скука, делающая любовь навсегда невозможной, которая в лучшем случае излечима только уколом самолюбия.

Нас не привлекают ни *глупость*, ни улыбки, расточаемые всем и каждому; вот отчего в свете необходим блеск волокитства: в этом – благородство манер. С чересчур простенького растения не сорвешь даже *смеха*. В любви наша гордость пренебрегает слишком легкой победой, и человек во всех областях не склонен преувеличивать цену того, что ему предлагают.

вались скрывать естественные движения души. Такое выражение часто ошибочно принимают за мужественную правдивость, между тем как на самом деле она бывает следствием беспечного равнодушия, распущенного характера, сознающего превосходство своего рождения и состояния, или каких-либо иных преимуществ, не имеющих ничего общего с личными заслугами. В. Скотт, «Айвенго», т. I, стр. 145 английского издания 1820 года.

Глава XI

Когда кристаллизация уже началась, с упоением наслаждаются всякой новой красотой, которую открывают в любимом существе.

Но что такое красота? Это обнаружившаяся способность доставлять вам удовольствие.

Удовольствия каждого человека различны и часто противоположны; этим очень хорошо объясняется, почему то, что для одного индивидуума – красота, для другого – безобразие (убедительный пример – Дель Россо и Лизио, 1 января 1820 г.).

Для того чтобы обнаружить природу красоты, следует выяснить, какова природа удовольствий каждого индивидуума; например, Дель Россо нужна женщина, допускающая некоторые вольности и поощряющая своими улыбками весьма веселые забавы, женщина, которая каждую минуту вызывала бы в воображении чувственное удовольствие и которая в одно и то же время возбуждала бы любовную предприимчивость Дель Россо и позволяла бы ему проявлять ее.

По-видимому, под словом «любовь» Дель Россо понимает любовь физическую, а Лизио – любовь-страсть. Совершенно очевидно, что они не могут сойтись в понимании слова «красота»¹⁹.

Ибо красота, которую вы открываете, представляет собою обнаружившуюся способность доставлять удовольствие, а удовольствия так же разнообразны, как и индивидуумы.

Кристаллизация, совершающаяся в уме каждого человека, должна принимать *окраску* удовольствий этого человека.

Кристаллизация возлюбленной человека, или *ее красота*, есть не что иное, как собрание *всех родов удовлетворения* всех желаний, которые последовательно возникали в нем по отношению к ней.

¹⁹ Моя красота, обещание характера, полезного моей душе, стоит выше чувственного влечения; такое влечение – лишь разновидность красоты (1815).

Глава XII

Кристаллизация

Почему мы так наслаждаемся каждой новой чертой прекрасного в существе, которое мы любим?

Потому, что каждая новая черта прекрасного приносит нам полное и совершенное удовлетворение какого-нибудь желания. Вы хотите, чтобы она была нежной, – и она нежна; затем вы хотите, чтобы она была гордой, как Эмилия Корнеля, – и, хотя эти свойства, вероятно, несовместимы, она в тот же миг являет вам душу римлянки. Вот нравственная причина, по которой любовь – самая сильная из страстей. В других страстях желания вынуждены приспособляться к холодной действительности. Здесь действительность спешит придать себе форму, соответствующую желаниям; значит, это такая страсть, при которой сильные желания ведут к наибольшим наслаждениям.

Существуют общие условия счастья, распространяющиеся на всякое удовлетворение отдельных желаний.

1. Она кажется вашей собственностью, ибо только вы можете сделать ее счастливой.

2. Она – судья ваших достоинств. Это условие было очень существенно при галантных и рыцарственных дворах Франциска I и Генриха II, а также при изящном дворе Людовика XV. При конституционных и резонерствующих правительствах женщины теряют всю эту область своего влияния.

3. Для романических душ – чем возвышеннее ее душа, тем более божественны и свободны от грязи вульгарных побуждений радости, которые вы найдете в ее объятиях.

Большинство молодых французов восемнадцати лет – ученики Ж. Ж. Руссо; это условие счастья для них важно.

От всех этих соображений, столь обманчивых для жажды счастья, теряешь голову.

Полюбив, самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, *каков он на самом деле*. Он преуменьшает свои собственные преимущества и преувеличивает малейшие знаки расположения любимого существа. Опасения и надежды сразу же приобретают характер чего-то *романического* (wayward)²⁰. Он ничего больше не приписывает случаю; он теряет чувство вероятного; воображаемое становится существующим и оказывает влияние на его счастье²¹.

Ужасным признаком потери соображения является то, что, думая о каком-нибудь мелком факте, с трудом поддающемся наблюдению, вы видите его белым и толкуете его в пользу вашей любви; минуту спустя вы замечаете, что в действительности он черен, и опять-таки делаете из него вывод, благоприятствующий вашей любви.

В такие минуты душа становится жертвой смертельной неуверенности и испытывает острую потребность в друге; но для влюбленного нет друзей. При дворе это знали. Вот источник единственного рода нескромности, которую может простить тонко чувствующая женщина.

²⁰ Причудливый, капризный (англ.).

²¹ Тут действует физическая причина, начало безумия, прилив крови к мозгу, расстройство нервной системы и мозговых центров. Вспомним мгновенную храбрость оленей и окраску мыслей сопрано. В 1922 году физиология даст нам описание физических сторон этого явления. Обращаю на это внимание г. Эдвардса.

Глава XIII

О первом шаге, о высшем свете, о несчастьях

Что удивительнее всего в любовной страсти – это первый шаг, необычайность перемены, совершающейся в разуме человека.

Высший свет с его блестящими празднествами оказывает услугу любви, благоприятствуя этому *первому шагу*.

Для начала он превращает простое восхищение (№ 1) в нежное восхищение (№ 2): какое наслаждение целовать ее и т. д.

Быстрый вальс в зале, озаренном сотнями свечей, наполняет молодые сердца опьянением, которое побеждает робость, увеличивает сознание силы и, наконец, дает им *смелость любить*. Ибо недостаточно видеть очень привлекательное существо; наоборот, крайняя привлекательность отнимает мужество у нежных душ; нужно видеть его если не любящим вас²², то по меньшей мере лишенным величия.

Кто дерзнет влюбиться в королеву, если она сама не сделает первого шага?²³

Ничто поэтому так не благоприятствует рождению любви, как сочетание скучного одиночества с редкими и долгожданнами балами; так поступают хорошие матери семейств, у которых есть дочери.

Настоящий высший свет, такой, каким он был при французском дворе²⁴ и какого, по моему, не существует больше с 1780 года²⁵, мало благоприятствовал любви, потому что в нем почти отсутствовала возможность *одиночества* и досуга, необходимых для действия кристаллизации.

Придворная жизнь создает привычку видеть и выражать большое количество *оттенков*, а самый маленький оттенок может служить началом восхищения и страсти²⁶.

* * *

Если к несчастьям, свойственным любви, примешиваются другие страдания (страдание *тщеславия*, если возлюбленная оскорбила вашу законную гордость, чувство чести и собственного достоинства; невзгоды из-за здоровья, денег, политических преследований и т. д.), любовь усиливается благодаря этим несчастьям только кажущимся образом; отвлекая воображение в другую сторону, они мешают кристаллизации в любви, питающей надежду, и зарождению легких сомнений в любви счастливой. Сладость любви и ее безумие возвращаются с исчезновением этих несчастий.

Заметьте, что несчастья благоприятствуют рождению любви у натур легкомысленных или нечувствительных; а после ее рождения, если несчастья уже позади, они благоприятствуют

²² Отсюда возможность искусственно вызванных страстей, как страсть Венедикта и Беатриче (Шекспир).

²³ Например, любовь Струэнзе в «Северных дворах» Броуна, три тома, 1819.

²⁴ См. «Письма» госпожи Дюдефан, м-ль де Леспинас, «Мемуары» Безанваля, Лозена, г-жи д'Эпине, «Словарь этикета» г-жи де Жанлис, «Мемуары» Данжо, Горация Уолпола.

²⁵ Исключение, может быть, составляет петербургский двор.

²⁶ Например, Сен-Симон и «Вертер». Как бы нежен и тонок ни был одинокий человек, душа его рассеянна, частица его воображения занята предвидением общений. Сила характера относится к числу привлекательных черт, больше всего соблазняющих истинно женственное сердце. Отсюда успех очень серьезных молодых офицеров. Женщины отлично умеют отличать бурность страстных порывов, столь возможных, как они чувствуют, и в их сердцах, от силы характера; самые умные женщины позволяют иногда вводить себя в заблуждение некоторым шарлатанством в этой области. К нему можно прибегать совершенно безбоязненно, как только вы заметили, что кристаллизация началась.

любви в том смысле, что воображение, опечаленное другими обстоятельствами жизни, доставлявшими ему лишь грустные образы, целиком отдается действию кристаллизации.

Глава XIV

Вот следствие любви, которое будут оспаривать и которое я предлагаю на рассмотрение только людям, имевшим, я бы сказал, несчастье любить со страстью в течение долгих лет – любовью, встречавшей на своем пути неодолимые препятствия.

Вид всего чрезвычайно прекрасного в природе или в искусстве с быстротою молнии вызывает воспоминание о том, кого любишь. Ибо, подобно тому, что происходит с веткой дерева, украсившейся алмазами в копиях Зальцбурга, все прекрасное и высокое в мире привходит в красоту любимого существа, и этот внезапный вид счастья сразу наполняет глаза слезами. Таким образом, влечение к прекрасному и любовь дают жизнь друг другу.

Одно из несчастий жизни состоит в том, что радость видеть любимое существо и разговаривать с ним не оставляет по себе ясных воспоминаний. Душа, очевидно, слишком потрясена своими волнениями, чтобы быть внимательной к тому, что их вызывает или сопровождает. Она само ощущение. Может быть, именно потому, что эти наслаждения не поддаются притупляющему действию произвольных повторений, они возобновляются с огромной силой, лишь только какой-нибудь предмет оторвет вас от мечтаний о любимой женщине, особенно живо напомнив ее какой-нибудь новой подробностью²⁷.

Один старый, черствый архитектор каждый вечер встречался с нею в свете. Увлеченный непосредственностью и не думая о своих словах, я его расхвалил ей однажды нежно и высокопарно, а она посмеялась надо мной. У меня не хватило духу сказать ей: «Он видит вас каждый вечер».

Это чувство настолько могущественно, что распространяется даже на моего врага – особу, которая постоянно бывает с нею. Когда я вижу ее, она так напоминает мне Леонору, что, несмотря на все мои усилия, я не могу ненавидеть ее в эту минуту.

Можно подумать, что благодаря странным причудам сердца любимая женщина придает окружающим больше очарования, чем имеет его сама. Образ далекого города, где нам удалось на минуту повидаться с нею²⁸, погружает нас в более глубокую и сладостную задумчивость, чем самое ее присутствие. Таков результат суровости.

Любовные мечтания не поддаются учету. Я заметил, что могу перечитывать хороший роман каждые три года с одинаковым удовольствием. Он навеивает на меня чувства, соответствующие тому роду нежности, который властен надо мной в данную минуту, или вносит разнообразие в мои мысли, если я ничего не чувствую. Я могу также слушать с удовольствием одну и ту же музыку, но для этого нужно, чтобы память не стремилась помогать мне. Должно быть затронуто исключительно воображение; если какая-нибудь опера доставляет больше удовольствия на двадцатом представлении, то это происходит оттого, что я лучше стал понимать музыку, или оттого, что она пробуждает во мне первоначальное мое впечатление.

Что касается новых мыслей, углубляющих знание человеческого сердца, которые возникают благодаря романам, то я отлично помню свои старые мысли; я даже люблю находить на полях заметки о них. Но этот род удовольствия связан с романами постольку, поскольку они увеличивают мои знания о человеке, и нисколько не связан с мечтанием, в котором и заключается истинная прелесть романа. Это мечтание нельзя записать. Записать его – значит убить его для настоящего, ибо при этом впадаешь в философский анализ наслаждения, и, еще более несомненно, убить для будущего, потому что ничто так не сковывает воображения, как призыв к памяти. Найдя на полях заметку, передающую мои чувства при чтении «Пуритан» во

²⁷ Духи.

²⁸ ...Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. Dante Francesca*... Тот страдает высшей мукой, Кто
радостные помнит времена
В несчастии. Слова Франчески в пятой песне «Ада» Данте.

Флоренции три года тому назад, я тотчас же погружаюсь в историю своей жизни, в сравнительную оценку счастья в оба периода – словом, в высокую философию, и тогда прощай надолго непринужденность нежных ощущений!

Всякий большой поэт, обладающий живым воображением, робок, то есть боится людей, которые могут нарушить и смутить его сладостное раздумье. Он дрожит за свое *внимание*. Люди с их низменными интересами уводят его из садов Армиды, чтобы толкнуть в зловонную лужу, и не могут привлечь к себе его внимания, не вызвав в нем раздражения. Именно привычкой питать свою душу трогательными мечтами и отвращением к пошлости великий художник так близок к любви.

Чем более велик художник, тем сильнее он должен желать чинов и орденов, служащих ему защитой.

Глава XV

В самой сильной и самой несчастной страсти бывают минуты, когда человеку вдруг кажется, что он больше не любит; это словно струя пресной воды в открытом море. Думая о своей возлюбленной, он почти не испытывает удовольствия, и хотя его угнетает ее суровость, он чувствует себя еще более несчастным оттого, что все в жизни для него сразу утрачивает интерес. Самая печальная и унылая пустота сменяет состояние, правда, тревожное, но придававшее всей природе что-то новое, страстное, увлекательное.

Это потому, что ваш последний визит к любимой женщине поставил вас в такое положение, из которого фантазия уже раньше извлекла все ощущения, какие он мог доставить. Например, после периода холодности она обошлась с вами менее сурово и дала основание питать точно такую же степень надежды и притом такими же внешними знаками, как и в прошлый раз; может быть, она сделала все это, сама того не подозревая. Когда воображение встречается на своем пути память и ее унылые советы, кристаллизация²⁹ мгновенно прекращается.

²⁹ Мне советуют лучше всего отказаться от этого слова или, если я не могу этого сделать за недостатком литературных способностей, почаще напоминать, что под кристаллизацией я разумею некую лихорадку воображения, благодаря которой женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо. Женщинам, не знающим иного пути к счастью, кроме тщеславия, необходимо, чтобы мужчина, желающий вызвать эту лихорадку, прекрасно завязывал галстук и уделял внимание тысяче подробностей, исключающих всякую непринужденность. Светские женщины признают, что это достигает цели, хотя отрицают или не видят причины этого.

Глава XVI

В маленьком порту, названия которого я не знаю, близ Перпиньяна, 25 февраля 1822³⁰ г.

Я почувствовал сегодня вечером, что музыка, когда она совершенна, приводит сердце в точно такое же состояние, какое испытываешь, наслаждаясь присутствием любимого существа, то есть что она дает, несомненно, самое яркое счастье, какое только возможно на земле.

Если бы это для всех людей было так, ничто в мире не располагало бы сильнее к любви.

Но в прошлом году, в Неаполе, я уже записал, что совершенная музыка, как и совершенная пантомима³¹, напоминает мне о том, что составляет в данный момент предмет моих мечтаний, и внушает мне превосходные мысли; в Неаполе это были мысли о том, как можно было бы вооружить греков.

И вот сегодня вечером я не могу скрыть от себя, что имею несчастье of being too great an admirer of milady L...³².

И, может быть, совершенная музыка, которую я имел счастье слышать, после того, как два или три месяца был лишен ее, хотя и бывал каждый вечер в Опере, просто-напросто произвела на меня свое давно признанное действие; я хочу сказать, вызвала во мне яркие мысли о том, что меня занимает.

4 марта, неделю спустя.

Я не решаюсь ни зачеркнуть, ни подтвердить предыдущее размышление. Несомненно то, что, когда я записывал его, я читал его в моем сердце. Если сегодня я подвергаю его сомнению, то это, может быть, потому, что я утратил воспоминание о том, что я видел тогда.

Привычка к музыке и к ее мечтаниям предрасполагает к любви. Нежный и грустный мотив, если только он не чересчур драматичен, если воображению не приходится думать о действии, мотив, располагающий исключительно к любовным мечтам, отраден для нежных и страдающих душ; например, протяжный перелив кларнета в квартете «Бьянка и Фальеро» или соло Кампорези в середине его.

Счастливым любовник восторженно упивается знаменитым дуэтом из «Армиды и Ринальдо» Россини, так верно изображающим легкие сомнения счастливой любви и блаженные минуты, наступающие после примирения. Ему кажется, что инструментальная часть в середине дуэта, когда Ринальдо хочет бежать, столь удивительным образом передающая борьбу страстей, физически действует ему на сердце и действительно трогает его. Я не решаюсь высказать свои чувства об этом: северяне примут меня за безумца.

³⁰ Из дневника Лизио.

³¹ «Отелло» и «Весталка», балеты Вигано в исполнении Паллерии и Моллинари.

³² Быть слишком страстным поклонником миледи Л. (англ.).

Глава XVII

Красота, развенчанная любовью

Альберик встречает в ложе женщину более красивую, чем его возлюбленная, то есть женщину – прошу позволить мне математическое выражение, – черты которой сулят ему три единицы счастья вместо двух (если предположить, что совершенная красота дает количество счастья, выражаемое числом четыре).

Надо ли удивляться тому, что он предпочитает им черты своей возлюбленной, сулящей ему сто единиц счастья? Даже небольшие недостатки ее лица, например рябинка от оспы, приводят в умиление любящего и повергают его в мечтательность, когда он замечает их у другой женщины. Что же будет в ее присутствии? Ведь он испытал тысячу чувств, глядя на эту рябинку; эти чувства почти всегда восхитительны, все они представляют величайший интерес, и, каковы бы они ни были, они воскресают с невероятной живостью при виде такой рябинки даже на лице другой женщины.

Если иногда даже предпочитают и любят *уродливое*, то это происходит оттого, что в таком случае уродливое становится красотой³³. Один человек страстно любил очень худую женщину с рябинками на лице; смерть похитила ее у него. Три года спустя в Риме, близко познакомившись с двумя женщинами, из которых одна была прекраснее ясного дня, а другая худа, со следами оспы на лице и поэтому, если хотите, довольно безобразна, он на моих глазах полюбил некрасивую, затратив предварительно неделю на то, чтобы загладить ее безобразие воспоминаниями. Из весьма простительного кокетства менее красивая не замедлила помочь ему и немного разожгла его кровь, что в таких случаях бывает полезно³⁴. Мужчина знакомится с женщиной и поражен ее безобразием; вскоре, если она непритязательна, общее выражение ее лица заставляет его забыть о недостатках ее черт, он находит ее привлекательной, и ему приходит в голову, что ее можно полюбить; неделю спустя он уже питает надежды; неделю спустя их у него отнимают; неделю спустя он безумствует.

³³ Красота есть лишь обещание счастья. Счастье грека было иным, чем счастье француза 1822 года. Посмотрите на глаза Венеры Медицейской и сравните их с глазами «Магдалины» Порденоне (у г-на Соммаривы).

³⁴ Когда мы уверены в любви какой-нибудь женщины, нас интересует степень ее красоты: когда мы сомневаемся в ее сердце, нам некогда думать о ее лице.

Глава XVIII

Аналогичное явление наблюдается в театре по отношению к актерам, любимым публикой; зрители теряют чувствительность к тому, что в них действительно прекрасно или безобразно. Несмотря на свое поразительное уродство, Лекен внушал страсть множеству женщин; Гаррикс тоже, по разным причинам, но прежде всего потому, что женщины в них видели уже не действительную красоту черт или движений, а ту красоту, которую воображение давно привыкло приписывать им в память всех удовольствий, доставленных ими, и в благодарность за них: так, например, одно лицо комического актера вызывает смех, как только он появляется на сцене.

Возможно, что молодая девушка, впервые попавшая во французский театр, испытывала во время первой сцены некоторое отвращение к Лекену; но вскоре он заставил ее плакать или содрогаться; да и как устоять против его исполнения ролей Танкреда³⁵ или Оросмана? Если ей все же и было заметно его безобразие, восторги всей публики и *нервное* воздействие, производимое ими на юное сердце³⁶, очень быстро затмевали его. От безобразия оставалось одно название, да и того не оставалось, ибо случалось слышать, как пылкие поклонницы Лекена восклицали: «До чего он прекрасен!»

Будем помнить, что *красота* представляет собою проявление характера, или, иначе говоря, душевного склада, и что, следовательно, она свободна от всякой страсти. Нам же нужна *страсть*; красота может дать только *вероятность* относительно женщины, и вдобавок вероятность лишь относительно того, какова она в спокойном состоянии; а взгляды нашей возлюбленной с рябинками на лице – прелестная действительность, упраздняющая все, какие только могут быть, вероятности.

³⁵ См. у г-жи де Сталь, в «Дельфине», кажется; таковы средства некрасивых женщин.

³⁶ Именно этому нервному воздействию я склонен приписать изумительное и непостижимое впечатление, производимое модной музыкой (в Дрездене – Россини, 1821 г.). Выйдя из моды, она не становится от этого хуже, а между тем не производит больше впечатления на простодушные сердца молодых девушек. Может быть, она им нравилась лишь потому, что вызывала восторг в молодых людях. Г-жа де Севинье (Письмо 202, 6 мая 1672 г.) пишет своей дочери: «Люлли довел королевский оркестр до высшего совершенства; прекрасное *Miserere* поднялось на новую высоту. При исполнении *Libera* все глаза были полны слез». Нельзя сомневаться в правдивости этого впечатления, как нельзя оспаривать ум и вкус г-жи де Севинье. Музыка Люлли, которая очаровала ее, обратила бы нас теперь в бегство; в те времена эта музыка побуждала к кристаллизации, а теперь она делает ее невозможной.

Глава XIX

Еще об исключениях в вопросе о красоте

Умные и нежные женщины, но обладающие робкой и недоверчивой чувствительностью, женщины, которые на следующий день после своего появления в свете тысячу раз и с мучительным страхом припоминают все, что они сказали или позволили угадать, – такие женщины, говорю я, легко привыкают к отсутствию красоты у мужчин, и это почти не служит препятствием для их любви.

По той же причине мужчина почти равнодушен к степени красоты обожаемой возлюбленной, которая выказывает ему одну лишь суровость. Кристаллизации красоты почти уже нет, и, когда друг-исцелитель говорит вам, что она некрасива, вы почти соглашаетесь с ним, а он воображает, что многого этим достиг.

Мой друг, милейший капитан Траб, описывал мне сегодня вечером, что он чувствовал в былое время при виде Мирабо.

Глядя на этого великого человека, никто не испытывал неприятных зрительных впечатлений, то есть не находил его безобразным. Увлеченные его громовой речью, люди устремляли все свое внимание, старались устремлять все свое внимание на то, что в его лице было *прекрасного*. Так как в нем почти отсутствовала *красота* черт (красота в смысле скульптурном или живописном), все внимание сосредоточивалось на том, что было прекрасно иной красотой³⁷ – красотой выражения.

В то время как воображение закрывало глаза на все, что было безобразно с точки зрения художественной, оно восторженно цеплялось за малейшие сносные детали, например за *красоту* его большой шевелюры; если бы у него были рога, они показались бы прекрасными³⁸.

Ежедневное появление хорошенькой танцовщицы вызывает усиленное внимание пресыщенных и лишенных воображения людей, украшающих балкон Оперы. Своими грациозными, смелыми и необыкновенными движениями она пробуждает в них физическую любовь и вызывает у них единственный вид кристаллизации, на которую они еще способны. Вот почему дурнушка, которую на улице не удостоили бы взгляда – особенно люди, потрепанные жизнью, –

³⁷ Вот преимущество человека, который в моде. Не придавая значения уже известным недостаткам лица, ничего не говорящим воображению, люди привязываются к одному из трех следующих видов прекрасного. 1. В народе – к представлению о богатстве. 2. В обществе – к представлению о физическом или духовном изяществе. 3. При дворе – к представлению «я хочу нравиться женщинам». Почти всюду – к соединению этих трех представлений. Счастье, связанное с представлением о богатстве, соединяется с утонченностью удовольствий, которая вытекает из представления об изящном, и все это способствует любви. Так или иначе, воображение увлечено чем-то новым. Благодаря этому случается, что люди начинают интересоваться очень некрасивым человеком, не думая о его безобразии, и в конце концов безобразие становится красотой. В Вене в 1788 году г-жа Виганб, танцовщица, модная женщина, была беременна, и дамы вскоре стали носить животики «на манер Виганб». Наоборот, по той же причине нет ничего ужаснее устарелой моды. Дурной вкус состоит в смешении моды, живущей исключительно переменами, с длительно прекрасным, являющимся плодом данного образа правления и данной страны. Модное здание через десять лет утратит модность и станет устарелым. Оно делается менее неприятным на глаз через двести лет, когда мода забудется. Влюбленные весьма безрассудны, думая о том, как бы получше одеться, в присутствии любимого человека женщина занята совсем иным, чем размышлениями о его туалете. «Она смотрит на возлюбленного, а не осматривает его», – сказал Руссо. Если такой осмотр производится, мы имеем дело с любовью-влечением, но никак не с любовью-страстью. Блестящий вид красоты почти отталкивает нас в любимом существе; что нам в том, что она красива? Мы хотим, чтобы она была нежна и томна. В любви шегольство производит впечатление разве только на молодых девушек, которых строго охраняют в родительском доме и которые часто воспаляются зрительно. Слова Л., 15 сентября 1820 г. Маленький Джермин, «Мемуары Граммона».

³⁸ Своей гладкостью, или своей величиной, или своей формой; вот почему, а также по ассоциации чувств (см. сказанное выше об оспинках на лице) любящая женщина привыкает к недостаткам своего возлюбленного. Привыкла же русская княгиня К. к человеку, у которого, в сущности, нет носа! Представление о мужестве и о пистолете, заряженном с целью убить себя от отчаяния, вызванного этим несчастьем, и жалость к глубокому удару судьбы в соединении с мыслью о том, что он выздоровеет, что он уже начинает выздоравливать, совершили это чудо. Только у бедного калеки не должно быть вида человека, помнящего о своем несчастье. Берлин, 1807 г.

появляясь часто на сцене, сплошь да рядом становится содержанкой, притом дорогостоящей. Жофруа говорил, что театр – пьедестал для женщин. Чем более знаменита и истаскана танцовщица, тем выше ее цена; отсюда закулисная поговорка: «Не удалось отдаться – сумеет продаться». Эти падшие женщины крадут у любовников часть своей страсти и весьма подвержены любви в *отместку*.

Как не связать представление о возвышенных и привлекательных чувствах с лицом актрисы, в чертах которой нет ничего отталкивающего, которая каждый вечер изображает на ваших глазах самые благородные чувства и которую вы не видели в другой обстановке? Когда вы наконец добьетесь того, что она вас примет, черты ее напомнят вам столь приятные ощущения, что вся действительность, окружающая ее, как бы мало в ней ни было благородства, тотчас же окрасится нежными романтическими тонами.

«В ранней молодости я был страстным поклонником скучной французской трагедии³⁹ и, когда имел счастье ужинать с м-ль Оливье, каждую минуту ловил себя на том, что сердце мое полно почтения, как будто я разговариваю с королевой, а на самом деле я и до сих пор хорошенько не знаю, был ли я влюблен, находясь с ней, в королеву или в красивую девушку».

³⁹ Непристойная фраза, взятая из мемуаров моего друга, покойного барона де Ботмера. По той же самой специальной причине Ферморс кажется привлекательным Лалла Рук. См. эту прелестную поэму.

Глава XX

Может быть, люди, не способные испытать любовь-страсть, особенно живо ощущают действие красоты; во всяком случае, это самое сильное впечатление, какое могут производить на них женщины.

Человек, испытавший сердцебиение, которое причиняет замеченная издали белая шелковая шляпа любимой женщины, поражен собственной холодностью при встрече с самой прекрасной женщиной в мире. Наблюдая восторг других людей, он может почувствовать даже некоторое огорчение.

Чрезвычайно красивые женщины вызывают не такое уж изумление при второй встрече. Это большое несчастье; это задерживает кристаллизацию. Так как их достоинства очевидны для всех и являются их украшением, они, вероятно, насчитывают в списке своих любовников больше глупцов – принцев, миллионеров и т. д.⁴⁰

⁴⁰ Из этого видно, что автор не принц и не миллионер. Мне захотелось украсть у читателя этот остроумный вывод.

Глава XXI

О первом впечатлении

Душа женщины, наделенной воображением, нежна и *недоверчива*; скажу больше, это крайне наивная душа⁴¹. Она может быть недоверчивой, сама того не зная; жизнь принесла ей столько разочарований! Поэтому все заранее известное и официальное при знакомстве с человеком отпугивает воображение и отдаляет возможность кристаллизации. Зато любовь торжествует с первого взгляда при романтической обстановке.

Ничего нет проще; удивление, заставляющее долго думать о чем-нибудь необыкновенном, составляет уже половину мозгового процесса, необходимого для кристаллизации.

Напомню начало любви Серафины («Жиль Блаз», т. II, стр. 142). Дон Фернандо рассказывает, как он бежал, преследуемый сбирами инквизиции. «Пройдя в глубоком мраке несколько аллей в то время, как дождь продолжал лить как из ведра, я очутился перед гостиницей, двери которой были открыты; я вошел и, разглядев все ее великолепие, увидел, что одна из боковых дверей неплотно притворена; я отворил ее и увидел целую анфиладу комнат, из которых освещена была лишь последняя. Что мне делать? — подумал я... Я не мог побороть своего любопытства. Я двинулся вперед, прошел через все комнаты и достиг той, где был свет, то есть свеча в позолоченном подсвечнике, горевшая на мраморном столике. Но вскоре, взглянув на кровать, занавески которой были полураздвинуты, так как было жарко, я увидел предмет, овладевший всецело моим вниманием: это была молодая женщина, спавшая глубоким сном, несмотря на раскаты грома... Я подошел к ней... Я был поражен. Пока я рассматривал ее с упоением, она проснулась.

Вообразите себе ее изумление, когда она увидела в своей спальне, да еще глубокой ночью, незнакомого ей человека. Она вздрогнула, заметив меня, и вскрикнула. Я попытался успокоить ее и, опустившись на одно колено, сказал: „Сударыня, не бойтесь ничего...“ Она позвала своих служанок... Появление маленькой горничной немного приободрило ее, она гордо спросила меня, кто я такой, и т. д., и т. д., и т. д.».

Вот первое впечатление, которое нелегко забыть. Напротив, что может быть глупее в наших современных обычаях, чем официальное и почти сентиментальное представление будущего мужа молодой девушке! Эта узаконенная проституция часто оскорбляет стыдливость.

«Сегодня, 17 февраля 1790 года, днем (говорит Шамфор), я видел так называемое семейное торжество, то есть людей, известных своей порядочностью, почтенное общество, шумно радующееся счастью м-ль де Мариль, красивой, умной и добродетельной молодой девушки, удостоившейся чести стать супругой г-на Р., больного, противного, нечестного, глупого, но богатого старика, которого она видела сегодня третий раз в жизни, подписывая брачный договор.

Если что-нибудь характерно для нашего гнусного века, так это подобный повод для торжества, нелепость такой радости, а в будущем ханжеская жестокость, с которой это самое общество дружно обольет презрением бедную влюбленную молодую женщину за малейшую ее неосторожность».

Всякая церемония, вещь по существу своему неестественная, заранее предвиденная и притом еще требующая, чтобы *вели себя приличным случаю образом*, сковывает воображение,

⁴¹ «Ламермурская невеста», мисс Эштон. Человек, знающий жизнь по опыту, находит в памяти множество примеров разного рода любви и затрудняется разве только в выборе. Но когда ему надо писать, он не знает, на что опереться. Анекдоты кружков, в которых он жил, неизвестны публике, и понадобилось бы огромное количество страниц, чтобы воспроизвести их со всеми необходимыми оттенками. Вот почему я привожу общеизвестные романы, не основывая, однако, мыслей, предлагаемых на рассмотрение читателю, на столь пустых вымыслах, сочиненных большей частью скорее ради художественного эффекта, чем из любви к истине.

оставляя ему возможность устремляться лишь на то, что противно цели данной церемонии, на то, что смешно; отсюда магическое действие малейшей шутки. Во время официального представления жениха несчастная молодая девушка, полная боязни и мучительною стыда, неспособна думать ни о чем, кроме роли, которую она играет, что тоже есть верный способ задушить воображение.

Для девушки гораздо большее нарушение стыдливости – лечь в одну постель с человеком, которого она видела два раза в жизни, после того, как в церкви сказали три слова по-латыни, нежели невольно уступить человеку, которого она обожает уже два года. Но я говорю вещи, которые покажутся нелепыми.

Богатым источником пороков и несчастий, порождаемых современными браками, является папизм. Он делает невозможной для молодых девушек свободу до брака и развод после него, когда становится ясно, что они обманулись или, вернее, что их обманули навязанным им выбором. Возьмите Германию, страну, славящуюся хорошей семейной жизнью; там одна милая княгиня (герцогиня Саганская) недавно честь честью вышла замуж в четвертый раз и не преминула пригласить на свадьбу своих трех первых мужей, с которыми она в очень хороших отношениях. Это крайность; но один развод, наказывающий мужа за его деспотизм, предохраняет от тысячи дурных браков. Забавно, что Рим принадлежит к числу тех мест, где мы наблюдаем больше всего разводов.

При первом впечатлении любовь порождает лица, указывающие на то, что в человеке есть что-то вкушающее одновременно и уважение и жалость.

Глава XXII

О восторженности

Утонченные умы весьма склонны к любопытству и к предугадыванию событий; особенно это заметно у людей, в душе которых угас священный огонь – источник страстей; и это один из самых печальных симптомов. Школьники, вступающие в свет, также отличаются восторженностью. Люди, находящиеся на противоположных концах жизни и обладающие избытком или недостатком чувствительности, не позволяют себе просто чувствовать истинное воздействие вещей, испытывать именно то ощущение, которое они должны вызывать. Такие души, слишком пылкие или подверженные приступам пылкости, влюбленные, если можно так выразиться, в счет будущего, бросаются навстречу событиям, вместо того чтобы их ждать.

Прежде чем ощущение, представляющее собою следствие природы данного предмета, дойдет до них, они еще издали, и не видя данного предмета, окутывают его тем воображаемым обаянием, неиссякаемый источник которого находится в них самих. Затем, приблизившись к нему, они видят его не таким, какой он есть, а таким, каким они его создали, и, наслаждаясь самим собой под видом этого предмета, воображают, что наслаждаются им. В один прекрасный день, однако, человек устает черпать все в самом себе и обнаруживает, что обожаемый предмет *не отбивает мяча*; восторженность пропадает, и удар, испытанный самолюбием, вызывает несправедливое отношение к переоцененному предмету.

Глава XXIII

Внезапные вспышки

Следовало бы заменить чем-нибудь это нелепое выражение, однако самый факт существует. На моих глазах очаровательная и благородная Вильгельмина, приводившая в отчаяние всех *красавцев* Берлина, презирала любовь и насмехалась над ее безумствами. Блистая молодостью, красотой, всякого рода счастьем, она имела необъятное состояние, которое, давая ей возможность развивать все свои способности, как будто соединилось с природой, чтобы явить миру столь редкий пример полного счастья, доставшегося существу, вполне его достойному. Ей было двадцать три года; уже давно допущенная ко двору, она отвергла там ухаживания высокопоставленных лиц; ее скромную, но непоколебимую добродетель ставили в пример, и люди, наиболее достойные любви, отчаявшись понравиться ей, искали только ее дружбы. Однажды вечером она едет на бал к принцу Фердинанду и танцует там десять минут с одним молодым капитаном.

«С этой минуты, – писала она впоследствии своей подруге⁴², – он стал владыкой моего сердца и меня самой, и притом до такой степени, что это привело бы меня в ужас, если бы счастье видеть Германа оставило мне время для размышлений обо всем остальном в жизни. Моей единственной мыслью было: обращает ли он на меня хоть немного внимания?»

Единственное утешение в моих ошибках для меня сейчас – поддерживать в себе иллюзию, будто высшая сила отняла меня у себя самой, похитив мой разум. Никакими словами, сколько-нибудь передающими действительность, я не в состоянии описать, каких пределов достигало при одном виде его расстройство и смятение всего моего существа. Я краснею, думая о том, с какой быстротой и стремительностью меня потянуло к нему. Если бы первым его словом, когда он наконец заговорил со мной, было: „Вы меня обожают?“, у меня, поистине, не хватило бы сил не ответить: „Да“. Я была далека от мысли, что действие чувства может быть одновременно столь стремительным и неожиданным. Одно мгновение мне казалось даже, что меня отравили.

К несчастью, вам и свету, мой друг, известно, что я страстно полюбила Германа; да, в какие-нибудь четверть часа он стал мне так дорог, что потом уже не мог стать дороже. Я видела все его недостатки и все прощала ему, лишь бы только он любил меня.

Вскоре после того, как я танцевала с ним, король уехал. Герман, состоявший в дежурном отряде, принужден был следовать за ним. Вместе с Германом все в мире исчезло для меня. Тщетно пыталась бы я описать вам ту невыносимую тоску, которая овладела мной, как только я перестала его видеть. Равным ей по силе было только горячее желание остаться наедине с собой.

Наконец я смогла уехать. Едва запершись на ключ в своей комнате, я попыталась оказать сопротивление своей страсти. Мне показалось, что это удалось. Ах, мой дорогой друг, как дорого заплатила я в тот вечер и в последующие дни за приятную возможность верить в свою добродетель!»

То, что вы прочли сейчас, представляет собой точный рассказ о событии, сделавшемся злобой дня, потому что через месяц или два, на беду бедной Вильгельмины, окружающие заметили ее чувство. Таково было начало длинного ряда несчастий, из-за которых она погибла в столь юном возрасте и столь трагическим образом, отравившись сама или отравленная своим возлюбленным. Все, что мы могли разглядеть в этом молодом капитане, сводилось к тому, что он прекрасно танцевал, отличался большой веселостью, еще большей самоуверенностью,

⁴² Переведено дословно из Мемуаров Ботмера.

казался очень добрым и жил с распутными женщинами; он был к тому же неважного происхождения, весьма беден и при дворе не появлялся.

Нужно не отсутствие недоверия, а, наоборот, усталость от недоверия и, так сказать, нетерпеливое мужество против случайностей жизни. Сама того не зная, душа, затосковав от жизни без любви, помимо своей воли убежденная примером других женщин, поборовшая всякий страх перед жизнью, недовольная печальным счастьем гордости, незаметно для себя создает образец совершенства. В один прекрасный день она встречается существо, похожее на этот образец, кристаллизация узнает свой предмет по смятению, которое он вызывает в ней, и душа навсегда отдаст владыке своей судьбы то, о чем она давно мечтала⁴³.

Женщины, подверженные такому несчастью, слишком горды душой, чтобы любить иначе, чем страстно. Для них было бы спасением, если бы они могли унизиться до легкого романа.

Так как внезапная вспышка является следствием тайной усталости от того, что катехизис зовет добродетелью, и от скуки, навеваемой однообразием совершенства, я склоняюсь к мысли, что его должны чаще всего вызывать те, кого в обществе называют шалопаями. Весьма сомневаюсь, чтобы человек в стиле Катона мог вызвать когда-либо внезапную вспышку.

Эти порывы так редки оттого, что, когда сердце, полюбившее заранее, хоть немного отдает себе отчет в своем состоянии, вспышка становится уже невозможной.

Женщина, которую несчастья сделали недоверчивой, не подвержена таким душевным потрясениям.

Ничто так не способствует внезапной вспышке, как похвалы, расточаемые заранее, и притом женщинами, человеку, которому предстоит вызвать ее.

Одним из самых забавных источников любовных приключений являются мнимые вспышки. Скукающая, но неспособная к чувству женщина целый вечер считает себя влюбленной на всю жизнь. Она гордится, что обрела наконец одну из тех душевных бурь, к которым стремилось ее воображение. На следующий день она не знает, куда спрятаться и в особенности как избежать несчастного, которого она обожала накануне.

Умные люди умеют подмечать такие вспышки и извлекают из них пользу.

Внезапные вспышки бывают и в чувственной любви. Вчера мы видели, как самая хорошенькая и самая доступная женщина Берлина вдруг покраснела, сидя в коляске, в которой мы с ней ехали. Мимо нас проскакал красавец лейтенант Финдорф. Она погрузилась в глубокую задумчивость, ею овладело беспокойство. Вечером, как она призналась мне в театре, она потеряла голову, испытывала безумный восторг, думая о Финдорфе, с которым ни разу в жизни не разговаривала. Она сказала мне, что послала бы за ним, если бы у нее хватило смелости; ее красивое лицо выражало все признаки сильнейшей страсти. Это продолжалось и на следующий день. Но Финдорф сваял дурака, и через три дня она перестала о нем думать. Через месяц она вспоминала о нем с ненавистью.

⁴³ Несколько фраз, взятых у Кребильона, т. III.

Глава XXIV

Путешествие в неведомую страну

Большинству людей, родившихся на севере, я советовал бы пропустить настоящую главу. Это темная диссертация о некоторых явлениях, касающихся апельсинового дерева, которое растет – или по крайней мере достигает своей естественной величины – только в Италии и Испании. Чтобы быть понятым в других странах, мне пришлось бы *преуменьшить* факты.

Я не преминул бы сделать это, если бы у меня хоть на минуту было намерение написать книгу, приятную всем. Но, так как небо отказало мне в литературном таланте, я стремился единственно лишь к тому, чтобы со всею хмуростью, но также и со всею точностью ученого описать некоторые явления, свидетелем которых мне пришлось быть во время моего долгого пребывания на родине апельсинового дерева. Фридрих Великий или какой-нибудь другой выдающийся северянин, никогда не имевший случая видеть апельсиновое дерево, растущее на открытом воздухе, конечно, станет отрицать, и притом искренне, излагаемые ниже факты. Я бесконечно уважаю искренность и вижу ее причину.

Так как это чистосердечное заявление могут принять за гордость, прибавлю к нему следующее замечание.

Мы пишем наудачу то, что каждому из нас кажется верным, и все мы противоречим друг другу. Я смотрю на наши книги как на лотерейные билеты; действительно, в них не больше ценности. Забыв одни из них и переиздав другие, потомство объявит, какие билеты выиграли. До этого каждый из нас, написав как можно лучше то, что казалось ему верным, не имеет никаких оснований насмехаться над ближним, если только сатира его не покажется забавной: в этом случае он будет всегда прав, особенно если пишет так, как Курье писал к Дель Фури.

После этого предисловия я смело приступаю к рассмотрению фактов, которые – я в этом уверен – редко случалось наблюдать в Париже. Но ведь в Париже, городе, без сомнения, превосходящем все остальные, мы не видим апельсиновых деревьев, растущих на открытом воздухе, как в Сорренто; а ведь именно в Сорренто, на родине Тассо, у Неаполитанского залива, на склоне, спускающемся к морю, еще более живописном, пожалуй, чем самый Неаполь, но где не читают «*Migot*», Лизио Висконти наблюдал и записал следующие факты.

Если вы должны вечером увидеть любимую женщину, ожидание столь близкого счастья делает невыносимыми все мгновения, отделяющие вас от этого счастья.

Словно в лихорадке, вы хватаетесь за двадцать дел сразу и бросаете их. Каждую минуту вы смотрите на часы и радуетесь, заметив, что вам удалось провести десять минут, не взглянув на часовую стрелку; наконец наступает желанный час, и, очутившись у ее двери, уже собираясь постучать, вы чувствуете, что были бы рады не застать ее дома; только ваш разум был бы этим опечален; словом, ожидание встречи с ней действует на вас тягостно.

Вот что заставляет благоразумных людей утверждать, что любовь безрассудна.

Нежная душа отлично знает, что в борьбе, которая начнется, как только вы увидите любимую женщину, малейшее упущение, малейший недостаток внимания или смелости будут наказаны поражением, которое надолго отравит работу вашего воображения и далее оскорбит ваше самолюбие, если, оставив в стороне интересы страсти, вы захотите искать убежища в вашем воображении. Вы говорите: «у меня не хватило ума»; или: «у меня не хватило смелости»; но быть смелым с любимой можно, только любя ее менее сильно.

Остаток внимания, с таким трудом отрываемый от грез кристаллизации, делает то, что в первые минуты беседы с любимой женщиной с ваших уст срывается множество слов, не имеющих смысла или имеющих смысл, противоположный тому, что вы чувствуете; или же, наконец – что еще мучительнее, – вы преувеличиваете собственные чувства, и они становятся смешными в ее глазах. Вы смутно ощущаете, что уделяете недостаточно внимания своим словам, и

машинально лепите свои фразы и впадаете в декламацию. А между тем нельзя перестать говорить, не создав неловкого молчания, во время которого вы имели бы еще меньше возможности думать о ней. Поэтому вы произносите прочувствованным тоном множество слов, которых вы не чувствуете и которые вы очень затруднились бы повторить; вы упорно отказываетесь от ее присутствия, чтобы еще больше принадлежать ей. Когда я впервые изведаль любовь, эта странность, которую я в себе ощутил, вначале заставила меня думать, что я не люблю.

Я понимаю малодушие, понимаю, почему новобранцы спасаются от страха, бросаясь очертя голову в самый огонь.

Когда я вспоминаю количество глупостей, сказанных мною за последние два года, чтобы не молчать, я прихожу в отчаяние.

Вот что должно было бы служить для женщины верным признаком, отличающим любовь и страсть от волокитства, нежную душу от души прозаической⁴⁴.

В эти решительные минуты вторая настолько же выигрывает, насколько первая проигрывает; прозаическая душа приобретает именно то количество горячности, которого ей обычно не хватает, а нежная душа безумствует от избытка чувств и, что еще хуже, старается скрыть свое безумие. Всецело занятая тем, чтобы сдержать свои порывы, она очень далека от хладнокровия, необходимого, чтобы добиться чего-нибудь, и после встречи, во время которой прозаическая душа сделала бы большие успехи, оказывается подавленной. Человек с душой нежной и гордой, если слишком остро затрагиваются интересы его страсти, не может быть красноречивым с любимой женщиной; неудача причинит ему слишком сильную боль. Наоборот, человек с пошлой душой верно учитывает шансы на успех, не занимается предвосхищением скорби своего поражения и, гордясь тем самым, что составляет его пошлость, насмехается над человеком с нежной душой, у которого, даже при большом уме, никогда нет непринужденности, необходимой для выражения самых простых вещей, способных обеспечить самый верный успех. Не умея ничего взять силой, нежная душа должна смириться, довольствуясь лишь тем, что ей удастся получить из *милости* от любимого существа. Если женщина, которую вы любите, по-настоящему чувствует, вы непременно расскажете в том, что совершили над собой насилие, заговорив с нею о любви. У вас делается пристыженный, замороженный вид; у вас был бы вид лжеца, если бы вашу страсть не выдавали другие, вполне очевидные признаки. Выразить то, что чувствуешь так живо и так разнообразно во все мгновения жизни, непосильная задача, за которую люди берутся потому, что они читали романы, ибо по естественному побуждению никто не взял бы на себя столь трудного дела. Вместо того чтобы стремиться говорить о том, что вы чувствовали четверть часа тому назад, и пытаться изобразить полную и интересную картину, вы бы просто описали со всеми подробностями то, что чувствуете в это мгновение; но нет, вы совершаете величайшее насилие над собой, чтобы обречь себя на неудачу, и, так как в произнесенных вами словах нет соответствия с переживаемыми вами сейчас чувствами и память ваша не свободна, вы придумываете и говорите в это время самые унижительные нелепости.

Когда, проведя час в смятении, вы ценой чрезвычайно болезненного усилия выбираетесь наконец из заколдованных садов воображения и начинаете просто-напросто наслаждаться присутствием любимой женщины, часто оказывается, что уже нужно расстаться с ней.

Все это кажется невероятно странным. Я знаю еще более поразительный случай, происшедший с одним из моих друзей; женщина, обожаемая им до самозабвения, под предлогом какой-то совершенной им бестактности, о которой он ни за что не пожелал мне рассказать, вдруг обрекла его на то, чтобы он виделся с ней не чаще двух раз в месяц. Эти столь редкие и столь желанные встречи повергли его в безумие, и нужна была вся сила воли Сальвиати, чтобы оно не проявлялось.

⁴⁴ Выражение Леоноры.

С первого же мгновения мысль о предстоящем конце свидания слишком жива, чтобы вы могли испытывать удовольствие. Вы много говорите, не слушая самого себя; часто говорите противоположное тому, что думаете. Вы пускаетесь в рассуждения, которые приходится обрывать на полуслове, потому что, очнувшись и начав себя слушать, вы обнаруживаете их нелепость. Усилие, которое вы над собой делаете, так велико, что вы кажетесь холодным. Любовь прячется вследствие своего избытка.

Вдали от нее воображение убаюкивает себя восхитительными диалогами; приходят на ум самые нежные, самые трогательные признания. В течение десяти или двадцати дней вы верите, что у вас хватит смелости поговорить с ней; но за два дня до того мгновения, которое сулило вам счастье, начинается лихорадка, которая усиливается по мере приближения ужасной минуты.

Из страха наделать и наговорить невероятных глупостей вы принуждены, входя в ее гостиную, ухватиться за решение молчать и смотреть на нее, чтобы можно было по крайней мере вспоминать потом ее лицо. Как только вы очутились в ее присутствии, вы становитесь точно пьяным. Вы чувствуете, что вас, как маньяка, так и подмывает на странные поступки; что у вас словно две души: одна, которая действует, и другая, которая осуждает сделанное вами. Вы смутно чувствуете, что насильственное внимание, уделенное какой-нибудь глупости, на миг освежило бы вашу кровь, заставив вас позабыть об окончании встречи и горе разлуки с ней на целых две недели.

Если при этом есть еще докучный посетитель, рассказывающий какую-нибудь глупую историю, бедный влюбленный в своем необъяснимом безумии словно нарочно старается растратить редкие мгновения и весь превращается в слух. Час, рисовавшийся ему таким восхитительным, пролетает обжигающей стрелой, а между тем влюбленный с невыразимой горечью замечает всякие мелочи, которые показывают ему, до какой степени он стал чужд любимому существу. Находясь среди равнодушных людей, пришедших в гости, он видит, что только ему одному неизвестны подробности последних дней. Наконец он уходит и, холодно простившись, испытывает ужасное чувство, что увидится с нею только через две недели; без сомнения, он страдал бы меньше, если бы никогда не видел ее. Это напоминает мне герцога Поликастро, проезжавшего два раза в год сто миль, чтобы увидеться на четверть часа, в Лечче, с обожаемой возлюбленной, которую стерег ревнивец; только это еще хуже!

Мы видим, что воля бессильна над любовью; разъяренный на свою возлюбленную и на себя, с каким восторгом ты погрузился бы в равнодушие! Такие встречи хороши лишь тем, что они пополняют сокровищницу кристаллизации.

Жизнь Сальвиати разделялась на двухнедельные периоды, носившие окраску настроения тех вечеров, в которые ему разрешалось видаться с г-жой...; 21 мая, например, он был вне себя от счастья, а 2 июня не хотел возвращаться домой из боязни поддаться искушению пустить себе пулю в лоб.

В тот вечер я пришел к выводу, что романисты очень плохо изображают момент самоубийства. «Я изнемогаю от жажды, – совсем просто сказал Сальвиати, – я должен выпить этот стакан воды». Я не стал его переубеждать и попрощался с ним; он заплакал.

Речи влюбленных полны смятения, и потому неправильно делать слишком поспешные выводы из какой-нибудь отдельной подробности разговора. Их чувство находит истинное выражение лишь в словах, вырывающихся непосредственно; тогда это крик сердца. К тому же можно делать те или иные заключения только из совокупности всего сказанного. Следует помнить, что очень взволнованный человек довольно часто не успевает заметить волнения существа, которое вызывает в нем самом волнение.

Глава XXV

Представление

Я вижу, как тонко и верно схватывают женщины некоторые подробности, и восхищаюсь этим; минутой спустя они до небес превозносят при мне дурака, до слез умиляются над безвкусным вздором, принимают пустую рисовку за проявление характера и пресерьезно обсуждают ее. Такая глупость мне непонятна. Тут действует, должно быть, какой-то общий закон, который мне неизвестен.

Отдавая все свое внимание какому-нибудь *одному* качеству человека и увлекаясь какой-нибудь *одной* особенностью, они живо чувствуют их и слепы ко всему остальному. Вся нервная энергия их уходит на любование этим качеством, и ее не хватает на то, чтобы замечать другие.

Я видел, как самых даровитых людей представляли очень умным женщинам; решающую роль в первом впечатлении всегда играла крупница предубежденности.

Если мне разрешат привести один случай, близко меня касающийся, я расскажу о милейшем полковнике Л. Б., которого собирались представить г-же Струве из Кёнигсберга; это была выдающаяся женщина. Мы задавались вопросом: *Fagàcolpo?* (Произведет ли он впечатление?) Стали держать пари. Я подошел к г-же Струве и сказал ей, что полковник носит по два дня свои воротнички: на второй день он выворачивает их наизнанку; она может заметить на его воротничках вертикальные складки... Это была самая очевидная ложь.

Как только я замолчал, доложили об этом очаровательном человеке. Ничтожнейший парижский фат произвел бы большее впечатление. Заметьте, что г-жа Струве была влюблена, что это была порядочная женщина и что между ними не было и не могло быть и речи о легком романе.

Никогда не видел я двух натур, более созданных друг для друга. Г-жу Струве порицали за романичность, и только добродетель, доведенная до романичности, могла привлечь к себе Л. Б. Она привела его под расстрел очень молодым.

Женщинам дана способность удивительно остро чувствовать различия в формах привязанности, неуловимые изменения человеческого сердца, самые тонкие движения самолюбия.

В этой области они обладают каким-то органом, которого у нас нет: посмотрите, как они ухаживают за ранеными.

Но зато они, может быть, не видят того, что относится к области ума, к области нравственных явлений. Мне случалось видеть, как самые интересные женщины пленялись умным человеком (под которым я не разумею себя) и тут же, сразу, почти в тех же выражениях, восхищались величайшими глупцами. Меня это возмущало, как возмущается знаток, когда на его глазах лучшие брильянты принимают за стразы и отдают предпочтение стразам, если они крупнее.

Из этого я сделал вывод, что с женщинами надо дерзать на все. Там, где генерал Лассаль потерпел поражение, усатый капитан, любящий крепкое словцо, может одержать победу⁴⁵. В мужских достоинствах есть, несомненно, целая область, ускользающая от женщин.

Что до меня, я всегда возвращаюсь к физическим законам. У мужчин нервный флюид поглощается мозгом, у женщин – сердцем, вот почему они более чувствительны. Большая работа, обязательная и относящаяся к ремеслу, которым мы занимались всю жизнь, утешает нас, а их не может утешить ничто, кроме развлечения.

Аппиани, который верит в добродетель только в крайних случаях и с которым я пустился сегодня вечером в поиски идей, излагая ему те, которые содержатся в этой главе, ответил мне:

⁴⁵ Познань, 1807 г.

«Душевную энергию, которую с героическим самоотвержением тратила Эпонина на то, чтобы дать мужу возможность жить в подземной пещере и не допустить его до отчаяния, она употребила бы на то, чтобы скрывать от него любовника, если бы они спокойно жили в Риме: сильным душам необходима пища».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.